

ЧАРЛЗ ТОДД

НАСТОЯЩИМ ЦЕНИТЕЛЯМ
АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

КРЫЛЬЯ ОГНЯ

Инспектор Иен Ратлидж

Чарлз Тодд
Крылья огня

«Центрполиграф»

1998

Тодд Ч.

Крылья огня / Ч. Тодд — «Центрполиграф», 1998 — (Инспектор Иен Ратлидж)

В состоятельной и уважаемой корнуолльской семье Тревельян произошла трагедия: Николас и Оливия, единоутробные брат и сестра, покончили с собой, а вскоре в результате несчастного случая погибает их брат Стивен. Дальняя родственница Тревельянов не верит в то, что Николас ушел из жизни добровольно, и обратилась в Скотленд-Ярд с просьбой о тщательном расследовании. Дело поручено инспектору Иену Ратлиджу. Инспектор узнает, что Оливия под мужским псевдонимом писала стихи, которыми он зачитывался на фронте, и что на протяжении многих лет ее близкие умирают при странных обстоятельствах. Ратлидж догадывается, что в стихах Оливии зашифрована семейная тайна, и во что бы то ни стало решает до нее докопаться...

© Тодд Ч., 1998

© Центрполиграф, 1998

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Чарлз Тодд

Крылья огня

Wings of Fire

© 1998 by Charles Todd «Крылья огня»

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Д. – ты знаешь почему

Глава 1

Трупы обнаружила миссис Трепол, вдова, которая служила экономкой и кухаркой в доме покойных.

То утро было довольно ясное, но миссис Трепол впоследствии казалось, что над морем клубился туман, а из-за сплошной пелены дождя ничего не было видно.

На самом деле накануне ночью облака рассеялись. Море за мысом поблескивало в лучах неяркого майского солнца, дом отбрасывал длинные тени на мокрую траву. Когда она вышла из рощи и зашагала к огороду, подул теплый ветерок. Миссис Трепол ревниво оглядела капустные грядки, сравнивая их со своими. Она решила, что ее кочаны крупнее и сочнее. Да и как могло быть иначе! Ее сад всегда считался образцовым, лучшим в деревне. Она не раз подтверждала свои права, выигрывая призы на всех местных праздниках урожая. Ей показалось, что лук вытянулся – или он был таким еще в субботу? Ну да, лук может выращивать кто угодно. Зато в ее огороде сладкий горошек уже вовсю лез на опоры, а выращивать горошек – настоящее искусство. Ну а здесь никто не догадался хотя бы прутиками подпереть жалкие побеги! Здешний горошек еще зацвести не успеет, а она свой уже будет лущить. Старый Уилкинс, который ухаживал в Тревельян-Холле за садом и конюшней после того, как все молодые парни ушли на войну, в лошадях разбирался лучше, чем в овощах.

Правда, и старый Уилкинс любил позлорадствовать.

– Миссис Трепол, морковка у вас маловата, – говаривал он, бывало, перегнувшись через каменную стену, отделявшую ее палисадник от дороги. – Конечно, по сравнению с моей. – Или: – Бобы-то как вытянулись! Небось поздно посадили, а?

Старый дурень, вечно он лезет не в свое дело!

Немного успокоившись, миссис Трепол, как всегда, отперла ключом дверь черного хода и вошла в кухню. Убирать ей не нужно было. Обычно по понедельникам она брала выходной. Но в понедельник, то есть на следующий день, она собиралась съездить к сестре, Наоми, потому что ее муж предложил свозить их обеих утром на базар. Кроме того, мисс Ливия никогда не возражала, если она время от времени приходила не в тот день.

В длинном каменном коридоре было холодно и тихо. В конце коридора миссис Трепол сняла пальто, как всегда, повесила его на гвоздик, надела через голову фартук, а затем вошла в сердце своих владений. И сразу заметила, что миски для завтрака, обычно аккуратно составленные на сливную полку раковины, еще не тронуты. Оглядевшись по сторонам, она увидела, что все почти так, как было перед ее уходом вечером в субботу. На тщательно вымытом полу – ни крошки. И занавески никто не раздвинул.

«Ну надо же! – с жалостью подумала миссис Трепол. – Должно быть, мисс Ливия опять плохо спала – и до сих пор в постели!»

Выйдя в малую гостиную, она увидела, что и там шторы задернуты. Тогда ее впервые кольнула тревога.

Мистер Николас всегда отодвигал занавески с рассветом, чтобы посмотреть на море. Как-то он признался ей: когда он видит, как рассвет окрашивает воду, он понимает, что жив...

Раз мистер Николас не полюбовался рассветом, значит, мисс Ливии ночью было очень плохо! На памяти миссис Трепол такого ни разу не случилось за все годы, что она здесь работала. Мистер Николас всегда вставал с рассветом... всегда...

Она вышла в прихожую и поднялась по винтовой лестнице на второй этаж.

– Мистер Николас! – тихо позвала она. – Я пришла. Мне что-нибудь сделать? Хотите чаю?

В тишине ей ответило лишь гулкое эхо, и ей стало совсем не по себе. Конечно, если бы мистер Николас сидел у постели мисс Ливии, он бы услышал ее и вышел...

Если только с ним самим чего-нибудь не случилось...

Миссис Трепол подошла к комнате мистера Николаса и тихонько постучала. Никто ей не ответил. Немного подумав, она повернула ручку и открыла дверь.

Постель была застелена. Судя по всему, в ней не спали. Миссис Трепол сразу увидела: все осталось так, как было в субботу. Мистер Николас, конечно, был человеком аккуратным, но никогда он не застилал постель так ровно, без единой складочки, как она...

Миссис Трепол подошла к комнате мисс Ливии и снова постучала. И снова не услышала ответа. Она тихонько приоткрыла дверь, чтобы не побеспокоить ни мисс Ливию, ни мистера Николаса, если он заснул в кресле у постели сестры, и осторожно заглянула внутрь.

Постель мисс Ливии тоже оказалась нетронутой. Покрывало лежало гладкое, как стекло. Как и у мистера Николаса. И в кресле никого не было.

Миссис Трепол очень испугалась. Она стала прислушиваться. Если бы мисс Ливию ночью увезли к врачу, ей бы оставили записку на кухне! Правда, сегодня не ее день; мистер Николас мог и не знать, что она придет. И все равно кто-нибудь непременно обмолвился бы о происшествии на утренней службе. В Боркуме все любят посплетничать...

Тогда миссис Трепол направилась в конец коридора – к общему для мистера Николаса и мисс Ливии кабинету. Остановившись у двери, экономка снова постучала и подождала, а затем осторожно повернула ручку.

И тогда безотчетный страх сменился ужасом. Миссис Трепол судорожно прижала руку к плоской груди, словно защищаясь. Сердце под кончиками пальцев вдруг забилось часто-часто...

Несколько секунд она простояла так и не открыв дверь, отчаянно не хотелось ни звать мистера Николаса, ни прикасаться к дверной ручке...

Она не могла смотреть на то, что было там, за дверью, – во всяком случае, в одиночку, когда ее сердце колотилось так, словно собиралось выскочить из груди и убежать.

Миссис Трепол ринулась вниз по лестнице. В спешке она то и дело спотыкалась и два раза чуть не упала. Она торопилась: поскорее вернуться на кухню, в уют и безопасность. Но на кухне она не остановилась, а бросилась на улицу и побежала назад той же дорогой, какой пришла. Она торопилась к доктору Хокинзу. Только на улице она вспомнила, что забыла в доме пальто, но ничто не могло заставить ее вернуться в Тревельян-Холл. Дрожа, чуть не плача, она пробежала по огороду, даже не взглянув на капусту, и устремилась в рощу. За ней начиналась тропинка, ведущая в деревню.

Когда все остальные наконец разошлись по домам, оставшиеся в живых члены семьи собрались в гостиной – выпить и поговорить. Разговор вялый, искусственный, они, как чужие люди, впервые встретившиеся, никак не могли найти общую тему. По правде говоря, они и чувствовали себя чужими друг другу – особенно теперь, после того, что произошло. Все испытывали неуверенность, всем было не по себе. Каждый ушел в свои мысли.

Молчание нарушил Стивен.

– Как вы думаете, зачем они так поступили? – отрывисто спросил он.

Ответом ему было молчание. Слава богу, весь длинный день никто ни разу не задал этого вопроса. Ни на службе, ни на похоронах, ни после, на поминках в Тревельян-Холле, куда пригласили друзей семьи и местных жителей. Все переговаривались вполголоса. Говорили об Оливии и Николасе, делились воспоминаниями о разных незначительных происшествиях, встречах, разговорах. Теперь многое осталось в прошлом. Темы смерти все избегали, как будто сговорились. Никто не спрашивал, как и почему все произошло. В глазах местных жителей мелькало живое любопытство, но всем хватало деликатности не затрагивать щекотливую тему. Самоубийство!

И о стихах тоже никто не заикался.

– Нам-то что за дело? – резко ответила Сюзанна. – Они умерли. Хорошо бы этим все и кончилось...

– Как ты можешь так говорить? Николас и Оливия были тебе братом и сестрой...

– Сводными! – напомнила Сюзанна, как будто последнее обстоятельство уменьшало боль утраты.

– Ну ладно, сводными, но братом и сестрой! Неужели тебе все равно? Неужели в твоей душе ничего не шелохнулось?

– Шелохнулось, и еще как! Я рада, что их разрешили похоронить в нашем семейном склепе рядом с мамой, – ответила Сюзанна. – Спасибо нашему приходскому священнику! В прежние времена такого бы не допустили, о чем тебе прекрасно известно. Самоубийц на кладбище не хоронили, тем более – в подземной часовне! Кстати, заодно с ними осудили бы и нас. Нам и сейчас придется несладко. Что скажут наши лондонские друзья? Представьте, как тяжело будет встречаться с ними и знать, что за их сочувствием кроется жалость... – Она помолчала, видимо не желая беречь свежую рану. – И больше я не хочу об этом говорить! Нам сейчас предстоит решить другой вопрос: что будет с домом?

Даньел сказал:

– Я всегда думал, что наследники должны будут продать его.

Он оглядел остальных. Сюзанна. Рейчел. Стивен. Он сам. После того как Даньел женился на Сюзанне, с ним обращались как с членом семьи, чем он всегда очень гордился. В связи с накалом страстей из-за тревожных лет¹ его могли бы... скажем, не так хорошо принимать в обществе, если бы за ним не стояли Тревелияны со своими обширными связями. Правда, семью нельзя назвать ни особенно высокопоставленной, ни особенно влиятельной, но род Тревелиянов старый и почтенный... Взгляд Даньела переместился на Кормака. Оливия и Николас не включили его в число наследников. Иногда Даньел ловил себя на мысли о матери Кормака. Кем она была? Скорее всего, ирландка... Хотя какое это имеет значение? Фамилия Кормака – Фицхью, а не Тревелиян. Он не сын Розамунды. И не женат на одной из дочерей Розамунды. И не кузен по линии Марлоу, как Рейчел.

– Да, так они и мне говорили, – подала голос Рейчел. – Если только Оливия и Николас не передумали... под конец. – Как они передумали жить дальше. Как будто можно расхотеть жить дальше!

Рейчел глубоко вздохнула и покачала головой. И снова, неожиданно для себя, начала прислушиваться к звукам дома. С тех самых пор, как она приехала сюда два дня назад, звуки не давали ей покоя. Они поглощали все ее внимание, высасывали из нее силы. Она боялась здешней тишины, лишенной безмолвия...

– Ну а я знаю, как нам нужно поступить, – сказал Стивен, водя тростью по узору из переплетенных медальонов на персидском ковре. – Мы превратим Тревелиян-Холл в музей. В память Ливии.

Сюзанна с изумлением посмотрела на брата, а Кормак сказал:

– Не валяй дурака! Вот уж чего она бы хотела меньше всего! Оливия всю жизнь пряталась от людей. Думаешь, она обрадуется, если по ее дому начнут бродить чужие люди? Особенно сейчас... – Он принялся мерить комнату шагами – высокий, очень красивый и очень мужественный.

– Не тебе решать, – парировал Стивен. Ему больших трудов стоило, глядя на Кормака, не испытывать обиды за то, что не ему дарована такая красота. На войне Стивен оставил половину ступни. И теперь он вынужден ходить с тростью, будь она проклята! Иммерсионное обморо-

¹ Тревожные годы – гражданская война в Ирландии в 1919–1923 гг., когда развернулась партизанская борьба против английских властей, начались вооруженные стычки между Ирландской республиканской армией и сторонниками соглашения с Великобританией.

жение, так называемая «траншейная стопа», а потом гангрена... Такими ранами не похвастаешь в обществе. Не будет больше долгих прогулок по холмам, не будут тенниса, танцев и поездов верхом! Он, правда, по-прежнему может подавать в крикете, но неуклюже, потому что все время боится потерять равновесие и шлепнуться ничком на траву.

– А по-моему, Кормак прав, – сказала Рейчел. – Трудно представить, что здесь будет музей. Сама Ливия наверняка решила бы, что мы ее предали!

– И о деньгах подумай, – посоветовал Даньел. – Музей нужно содержать в порядке, регулярно ремонтировать, нанимать персонал. Придется брать кредит... Пусть Оливия и прославилась, все же ее трудно назвать богачкой... Я имею в виду – на себя ей, конечно, хватало...

– Зато нам такое вполне по карману, – не сдавался Стивен. – А может быть, музеем заинтересуется Национальный трест².

– Без солидного взноса не заинтересуется, – возразил Кормак и остановился у окна, отвернувшись ото всех. – Придется выложить три четверти вашего наследства.

– Что вы такое говорите? Вы что, хотите поделить мебель – буфет мне, пианино тебе, а кто возьмет напольные часы? А дом и парк продать и сделать вид, что Николаса и Оливии никогда и не было, что родственникам – тем, кто остался в живых... все равно?! – Стивен на глазах терял самообладание.

– Музей тебе нужен для тебя самого, а не ради их памяти, – вдруг заметила Сюзанна. – Ты зачищен на увековечивании твоей памяти, а не памяти Оливии! И не делай вид, будто это не так!

– Моей памяти?!

– Да, твоей! Стивен, война изменила тебя – и не в лучшую сторону. Да, я много раз слышала, как ты хвастал на званых ужинах после того, как Оливию «открыли». Ты прямо из себя выходил, стоило кому-то спросить, кто герой ее любовной лирики. Тебе кажется, что ты, ведь ты был ее любимчиком! – В негромком голосе Сюзанны слышалось откровенное злорадство. Стивен был любимцем не только Оливии, но и их матери. Хотя они с Сюзанной близнецы, относились к ним неодинаково.

– Ну и что такого, если стихи написаны обо мне? Я, так же как любой из вас, имею право думать что хочу. Вы просто жадничаете! Вам только деньги нужны, вы стремитесь выжать из наследства все до последнего пенни. Потому-то Оливия и завещала мне права на все свои произведения... Жаль, что она не подумала и о доме!

– Кто из них умер последним? – робко спросила Рейчел, не уверенная в том, что ей на самом деле хочется знать ответ на свой вопрос. – Если Николас, значит, мы сейчас спорим о его, а не ее последней воле.

– Там все одинаково. Оливия и Николас все завещали друг другу, а если ни один из них не переживет другого, то стихи – Стивену, а дом четверым оставшимся в живых наследникам в совместную собственность, – ответил Кормак, обернувшись. Говорил он ровным тоном, ничем не выдавая обиды – его в число наследников не включили.

– Не хочется даже представлять, как по Тревельян-Холлу будут бродить туристы, – сказала Сюзанна, – а потом выйдут в парк и будут поедать пироги, пить сидр и любоваться морем... – Ее передернуло. – Ужас!

– Еще ужаснее, если поместье придет в запустение, – возразил Стивен. – Не забывайте, она – известная английская поэтесса!

– Когда ты в последний раз был в Стратфорде? Или в доме Вордсворта в Грасмире? – спросила Рейчел. – Там сплошная пустота, плесень! Не дома-музеи, а карикатуры. Они похожи на мумифицированные трупы; их выставляют на обозрение вульгарной толпе. Не хочу, чтобы

² Национальный трест – организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и исторических мест. Финансируется преимущественно за счет частных пожертвований.

Тревелиан-Холл искусственно поддерживали, как восковую фигуру, в которой нет никакого проку, не хочу видеть, как он разрушается... Нет, мы должны покончить с ним.

– А может быть, не я, а ты сейчас думаешь о себе? – язвительно поинтересовался Стивен. – Боишься, как бы туристы, которые будут здесь бродить, не вывели твои тайны?

Рейчел смерила его холодным взглядом:

– На что ты намекаешь?

– На то, что у каждого из нас есть личная жизнь и когда-нибудь в ней начнут рыться биографы, предавая все огласке якобы во имя науки, желая больше узнать об Оливии, о том, как она жила, кем были ее родные – то есть мы все – и, самое главное, как она стала поэтом.

– Ужас какой! – воскликнул Даньел, думая о скелетах в шкафу своего семейства, которые конечно же там припрятаны, как и в других ирландских семьях. Он не хотел бы, чтобы их извлекли на всеобщее обозрение...

– За все надо платить, и за славу тоже, – хмыкнула Сюзанна, и ее красивое лицо слегка скривилось. – Вот еще более веская причина похоронить эту идею! Дом надо продать! Все равно никто из нас не собирался здесь жить. И Оливия это знала. Она наверняка оставила бы подробные распоряжения, если бы хотела устроить в Тревелиан-Холле свой музей. Но ведь она этого не сделала.

Все снова замолчали. Тишину нарушил Кормак, привыкший председательствовать на заседаниях, добиваться согласия других и все решать:

– Итак, насколько я понимаю, вас трое против одного? Трое за то, чтобы продать Тревелиан-Холл. С архивом Оливии – рукописями, письмами, контрактами и тому подобным – Стивен может поступать как хочет. Архив наверняка удовлетворит любопытных биографов. К сожалению, Оливия оставила после себя не так уж много. Она умерла молодой. А поэты... как правило, не слишком плодотворны.

«Вот именно, – подумала Рейчел, глядя на Кормака. – Ты наверняка уже порылся в ее бумагах! Ты ведь первый сюда примчался... Может быть, кое-что и изъят из архива. Боялся, что пострадает твоя репутация в Сити? Или тебя просто интересовали тайны сводной сестры?»

Вслух она сказала другое:

– Насколько мне известно, Ливия редко писала кому-то из нас... да и вообще кому бы то ни было. Может быть, ты, Стивен, возьмешь себе ее письма, которые у нас сохранились – для коллекции? – «Но только не письма Николаса!» – добавила она про себя.

– Оливия вела дневник? – спросил Даньел и, когда все повернулись к нему, пояснил: – Просто диву даешься, когда узнаешь, что сейчас все поголовно ведут дневники! Особенно одинокие люди, инвалиды... – Он осекся.

– Нет, – сухо ответил Стивен. – Оливия почти наверняка не вела дневник.

– Ты знал ее не лучше, чем мы, – заметила Сюзанна. – В детстве – да, но потом... Оливия могла вести целую дюжину дневников, и никто ничего об этом не подозревал бы!

– Я приезжал в Тревелиан-Холл чаще, чем все остальные!

– Чаще? Сколько – раза четыре в год? В лучшем случае пять? Здесь становилось как-то... не по себе, и не пытайся сделать вид, будто ты ничего не чувствовал. Оливия сама не хотела, чтобы мы приезжали. Она... да, она по доброй воле стала затворницей, и Николас тоже, он ведь был таким же упертым, как Оливия. А ведь оба совсем недавно разменяли всего лишь четвертый десяток! Для таких молодых людей это неестественно!

– Отлично помню последний раз, когда я сюда приезжал, – сказал Даньел. – Сразу стало заметно: Оливия ждет не дождется, когда мы уедем.

– Мы привносили сюда реальный мир, – согласилась Сюзанна. – Жизнь. А она... жила в своем странном мире. Никогда не понимала, почему она писала такие страшные стихи... Если, конечно, не считать «Крылья огня». Клянусь, от ее «Аромата фиалок» и «Люцифера» у меня мурашки бегут по спине! Правда, Оливия была калекой. Калекам свойственна угрю-

мость... Они постоянно ощущают подавленность и тоску, много страдают... Страдала и Оливия... Наверное, она давно все задумала.

– Вот уже нет, угрюмой она не была, – вдруг возразила Рейчел. – Да и калек в полном смысле слова ее назвать трудно... По-моему, мы ей просто надоедали.

– Не будь дурочкой, – возмутился Даньел. – Просто нелепо! Это мы-то, родные?

– Да, представь себе! Последние шесть или семь лет меня не оставляло чувство, что мы ей не нужны. Что ее жизнь полна и без нас. В Тревельян-Холле у нее было все, чего она хотела.

– Не знаю, как Николас терпел столько лет, – недоумевала Сюзанна, пытливо глядя на Рейчел. – Я бы на его месте просто спятила!

– Ливия как-то сказала мне, что Николас выплачивает долг, – вдруг вспомнил Стивен. – Странно, правда? Я спросил, что за долг, и она ответила: долг крови. – Он встал, проковылял к столу с напитками и подлил себе виски.

– Ах, ради всего святого! – с досадой воскликнул Кормак и снова сел.

Сюзанна вдруг заявила:

– Не хочу здесь ночевать! – и посмотрела на мужа снизу вверх. – В «Трех колоколах» наверняка найдутся свободные номера.

– Ты что, с ума сошла? – воскликнул Даньел. – Миссис Трепол уже приготовила нам комнаты.

– Я не сошла с ума! Но весь дом какой-то... нездоровый! Как теплица, где росло ядовитое растение. Пока мама была жива, здесь все было по-другому. – Сюзанна вскинула голову и посмотрела на портрет в изящной раме, висевший над камином. Розамунда Беатриса Тревельян, у которой было три мужа и дети от каждого, любила их всех одинаково горячо. В ее полуулыбке отражались и безмятежность, и страсть. Художник сумел отразить не только красоту ее лица. – В маме было столько жизни! Столько тепла... При ней в Тревельян-Холле всегда царили радость и веселье. А после ее смерти все исчезло, просто... куда-то утекло незаметно для нас. Постепенно я возненавидела Тревельян-Холл, хотя раньше, до сегодняшнего дня, даже не сознавала этого... В общем, после ужина мы уезжаем.

– Если не возражаете, я поеду с вами. Мне... тоже как-то не хочется здесь оставаться, – призналась Рейчел. Впрочем, она не хотела ночевать в Тревельян-Холле по совершенно другой причине. Дом населен призраками! Она, которая никогда в жизни не верила в привидений, поверила в них здесь. Не в фигуры в белом, которые стонут и гремят цепями. С такими она бы еще справилась. Здесь... здесь что-то другое.

– Вы еще не решили... – напомнил им Кормак.

– Продать! – сказала Сюзанна.

Даньел кивнул. Спустя какое-то время Рейчел вздохнула и едва заметно кивнула в знак согласия.

– Только через мой труп! – воскликнул Стивен. – Если придется, я подам в суд, но я буду с вами бороться. Тревельян-Холл необходимо сохранить! Необходимо!

– Самое разумное – его продать, – заявил Кормак. – Если дело затянется, вы скоро начнете нести убытки. Значит, большинство за то, чтобы продать? Завтра, когда откроют завещания, нужно будет дать соответствующие указания Чемберсу. Ну а мебель... напишите каждый, кто что хочет. И если возникнут разногласия...

– Мы не притронемся ни к единой мелочи, пока не решим главное. – Покрасневший Стивен упрямо выставил вперед подбородок.

– Пусть Чемберс выработает решение, которое устроит всех. Согласны? – спросил Кормак. – То, что никому не нужно, можно продать... вместе с домом. Так за него дадут гораздо больше. У тех, кому в наши дни хватает денег, чтобы покупать загородные дома, нет соответствующей мебели. – Он задумчиво огляделся по сторонам. – Кстати, я и сам подыскиваю

себе загородный дом. Вот интересно... – Он пожал плечами и заметил: – Наверное, все дело в ностальгии. Я ведь тоже провел здесь большую часть жизни.

– Я хочу мамин портрет, – тут же заявила Сюзанна. – И веджвудский кофейный сервиз. Он принадлежал бабушке Фицхью.

Даньел поспешно добавил:

– А я хотел бы взять кубки, которые лошади Розамунды завоевали на скачках. Они так или иначе должны остаться в семье.

– Я не имею права ничего просить, – сказал Кормак, – но мне хотелось бы получить ружья – те, что отец привез из Ирландии. И его коллекцию тростей. Они принадлежали ему еще до того, как он женился на Розамунде, так что я в каком-то смысле имею на них право.

Сюзанна повернулась к Рейчел:

– Ну а тебе что-нибудь хочется взять на память?

Розамунда любила Рейчел, как родную дочь. Да и все они ее любили. Николас был очень к ней привязан, что бросалось в глаза, и всегда говорили, что Ричард... Сюзанна вздрогнула и запретила себе думать о Ричарде.

Рейчел опустила голову и посмотрела на бокал с хересом, который вертела в руках.

– Не знаю... Да, пожалуй, хочу! – Она подняла голову и посмотрела на остальных. – Хотя я не имею права требовать чего-либо по линии Чейни, мне бы очень хотелось взять корабли, которые вырезал Николас... его коллекцию. Конечно, если на них больше никто не претендует.

Заметив багровое от ярости лицо Стивена, Рейчел умолкла, представив, насколько черствыми кажутся ему остальные родственники – делят имущество Оливии и Николаса, которые, можно сказать, еще не остыли... Она покраснела.

– Еще и трех часов не прошло, как их похоронили! – воскликнул Стивен. – Вы все просто чудовища! Какая мерзость!

– Мы рассуждаем практично, только и всего, – возразил Даньел. – И лучше всего сразу все выяснить. Ну а ты?

– Мои вещи отсюда никуда не денутся. – Стивен крепче сжал бокал. – И я запрещаю кому бы то ни было прикасаться к вещам Оливии. Слышите? Запрещаю!

– Значит, с этим покончено, – с довольным видом подытожила Сюзанна. – И вполне мирным путем. – Она еще раз покосилась на портрет Розамунды и улыбнулась. – Мама бы гордилась тем, что мы не ссоримся.

– Ссориться-то больше некому, – задумчиво произнесла Рейчел, а про себя добавила: «Кроме тебя и Стивена, конечно. Вы самые младшие, вы носите фамилию Фицхью. Анну я почти не помню... хотя они с Оливией были так похожи, что взрослые их не различали. А я различала. Теперь Оливия тоже умерла. Конец ветви Марлоу. И оба Чейни тоже умерли, Ричард... и Николас». Рейчел приказала себе отбросить неуместные мысли, тряхнула головой и услышала, что говорит Стивен.

– Нет, еще ничего не решено! – Стивен кипел от ярости. – Если Чемберс вас не остановит, я найду других юристов. На моей стороне будет Беннет...

– Стивен, не будь дураком, – беззлобно посоветовал Кормак. – Ты все равно проиграешь. И что еще важнее, проиграет вся семья. Суд согласится с большинством – после того, как семейное грязное белье прополощут во всех газетах. Неужели ты не понимаешь?

В комнату заглянула миссис Трепол и сказала, что ужин на столе. Лицо у нее было усталое и грустное.

Стивен поставил бокал и пошел за экономкой.

– А репортеры согласятся с тобой? – спросил он, обернувшись через плечо. – Не забывай, она – О. А. Мэннинг! Она заслужила внимание. И кстати, никто из вас голодным не остался... Нельзя уничтожить национальное достояние с такой же легкостью, как обычное родовое имение!

Поставив бокал на ореховый столик рядом с креслом, Рейчел смотрела вслед родственникам. Они по очереди выходили из гостиной и направлялись в столовую. Никогда еще она не видела Стивена таким разгневанным – и таким решительным. Ей стало не по себе при мысли о том, что дело может дойти до суда. И в конце концов выиграет он... Стивен.

Стивен каким-то образом всегда выигрывал. Даже в детстве он был самым везучим из всех. Розамунда называла эту его способность «корнуолльским везением». Четыре года он провёл на кровопролитной войне, получив полдюжины медалей за храбрость и репутацию отчаянного героя. На фронте говорили, что Фицхью «чертовски везет». Его называли счастливымчиком.

Старуха в лесу назвала бы его по-другому: обреченный...

Глава 2

Вернувшись в Лондон в конце июня, Иен Ратлидж встретил в Скотленд-Ярде смешанный прием. Уорикширское дело нельзя было назвать полной победой. Многие считали, что его исход был предопределен скорее политическими причинами. Кое-кто считал, что успех Ратлиджа носит скандальный оттенок. На последнем настаивал лично старший суперинтендент Боулс: «Не пришли к определенному мнению, говорите? Конечно, репортеры потирают руки от радости! Статьи появились во всех газетах. Лично мне такого рода слава не по вкусу... в отличие от некоторых».

Сам Ратлидж, еще не до конца пришедший в себя – и физически, и духовно – после событий в Верхнем Стритеме, радовался, что ему, пока он выздоравливает, снова поручили дело.

Радость его оказалась недолгой. В Лондоне объявился маньяк, который набрасывался на людей с ножом. Репортеры уже окрестили его «Новым Джеком-потрошителем из Сити». Они делали смелые предположения, увеличивая тиражи своих газет. Оказалось, что мир, которого так долго ждали, принес стране больше бедствий, чем радости. В годы войны люди стойко переносили бедствия, но теперь все устали. Устали от нехватки продуктов, безработицы, забастовок, постоянных тревог. Надоели и призывы возродить ту Англию, которую все помнили до того, как воинственный кайзер вознамерился захватить власть в Европе. Любая новость, не имевшая отношения к повседневной борьбе за выживание, тут же объявлялась сенсацией. Ее смаковали и пересказывали с мазохистским ужасом. Каждому казалось: хотя рядом свирепые тигры, чавкая, пожирают соседей, их самих точно никто не тронет.

Суперинтендент Боулс, на чьей территории орудовал маньяк, обладал чутьем на сенсации. Он был не из тех, кто соглашался прозябать в тени другого. Вот почему он лично возглавил следствие.

Естественно, без посторонней помощи Боулс не обошелся, поэтому скоро дело было перепоручено Ратлиджу. Само собой, Боулсу это не понравилось, и он целых три дня не давал Ратлиджу никаких инструкций.

Затем в дело вмешалась судьба – Боулс считал, что ему несказанно повезло, а это служило признаком его правоты. Проблему можно было решить хотя бы частично. Старший суперинтендент обеими руками ухватился за новое предложение. Все играло ему на руку! Радуюсь и излучая энергию, он отправился искать инспектора Ратлиджа.

Стоял теплый день начала июля; солнце заливало пыльные окна и собиралось в лужицах на пыльном полу небольшого кабинета, который выделили Ратлиджу.

– Прекрасный сегодня день! Просто грех в такую погоду сидеть в четырех стенах... Кстати, меня до вечера не будет. Я иду в Сити на пресс-конференцию.

– Потрошитель? – уточнил Ратлидж, оторвавшись от бумаг.

Он давно ожидал, что Боулс пошлет за ним.

– Да, его ведь, кажется, так называют? Конечно, репортеры наперебой сравнивают нашего маньяка с тем, хотя тот, кого мы ищем, не выпускает жертвам кишки, а режет их буквально на ленточки... Все инсинуации прессы высосаны из пальца! Но я хотел поговорить с вами не о Потрошителе, а вот о чем.

Боулс бросил на стол Ратлиджа стопку документов; она приземлилась на промокательной бумаге. Ратлидж перевернул документы и увидел наверху шапку с гербом.

– Министерство внутренних дел!

– Ну да, документы спустили нам оттуда, но, если хотите знать мое мнение, ветер дует из военного министерства. Или из министерства иностранных дел. Прочтите!

Ратлидж пробежал глазами напечатанные строки.

Скотленд-Ярд очень вежливо просили еще раз проверить обстоятельства трех смертей в Корнуолле. Судя по построению фраз, человек просил об одолжении, сознавая, что, в сущности, ни на что не имеет права. На дознании двоих умерших сочли самоубийцами. Смерть третьего признали несчастным случаем. Местные полицейские не видели смысла в дальнейшем расследовании и закрыли дела. Однако проситель (вернее, просительница) считала, что обстоятельства по крайней мере двух смертей не вполне ясны. Поэтому начальство рекомендовало направить в Корнуолл сотрудника, который тактично еще раз проверит все улики и доказательства и убедится, что следствие велось по всем правилам.

Ратлидж перечел письмо и посмотрел на Боулса:

– Что за три смерти? И почему нужно заново открывать уже закрытые дела?

Боулс без приглашения уселся на стул и сказал:

– Похоже, все затеяла некая леди Ашфорд, родственница всех троих покойных. Она считает, что с вердиктом поспешили и не уделили должного внимания версии убийства. Судя по всему, старую стерву исключили из завещания, и она теперь дергает за ниточки, пытаясь заручиться помощью всех высокопоставленных знакомых. На наше несчастье, у нее оказались связи в МВД, а из министерства ее запрос спихнули нам. Нечего сказать, повезло!

Сообразив, что проговорился, Боулс сверкнул желтыми, как у козла, глазами. От досады он упустил из виду собственные цели. Он поспешно пояснил, стараясь исправить положение:

– Разумеется, тому сотруднику, которого мы направим в Корнуолл, нельзя портить отношения с местными коллегами. В то же время нужно очень тактично заверить эту леди Ашфорд, что ее опасения беспочвенны. А если окажется, что ее догадки все же не лишены оснований, придется как можно скорее открыть дело заново и расследовать все до того, как нас обвинят в непрофессионализме. – Он раздраженно указал на письмо: – Этот секретарь – важная шишка. Если мы не угодим ему, начальство начнет к нам придирааться.

Ратлидж еще раз перечел письмо.

– В министерстве иностранных дел служит некий Генри Ашфорд, – задумчиво проговорил он. – Очень высокопоставленное лицо... – С братом Ашфорда он учился в школе.

Боулс поморщился: ну разумеется, Ратлидж со всеми знаком!

– Да-да, вполне возможно.

– И вы хотите, чтобы в Корнуолл поехал я?

– По-моему, вы справитесь. Можно было бы, конечно, послать туда Беннета, но ему куда привычнее действовать в Уайтчепеле³, чем иметь дело с высокопоставленными старушками. Есть еще Гаррисон, но ему не хватит терпения осторожно и аккуратно проверить чужую работу. Он явится в Корнуолл, заранее уверенный в том, что местные все сделали неправильно, и не успеете оглянуться, как главный констебль потребует, чтобы его отозвали! А министерство внутренних дел захочет узнать, почему мы принимаем на службу таких типов, как Гаррисон... – Боулс вздохнул. – Так что... выходит, кроме вас, у меня никого нет. Вот и все.

– А как же маньяк из Сити? – спросил Ратлидж. Мало-помалу он начинал разбираться в своем начальнике. Сейчас Боулсу больше всего хочется убрать Ратлиджа с дороги...

– Вряд ли мы разыщем маньяка за одну ночь! А вам даю неделю срока. Если не справитесь, я вас отзову. Вы мне еще понадобятся.

Неделя. Обычно закрытые дела, которые находятся в ведении полиции графства, не расследуют целую неделю. Может быть, Боулс догадывается, что следствие придется начинать заново? Да нет, он просто подыскивает любой предлог, чтобы убрать Ратлиджа из Лондона, точнее, из Сити до тех пор, пока Боулс сам не схватит преступника!

Неожиданно Ратлидж осознал: как бы там ни было, ему это безразлично.

³ Уайтчепел – один из беднейших районов лондонского Ист-Энда.

Уж лучше поехать в Корнуолл, чем торчать на работе, выполняя указания Боулса, зная, что время поджигает, и слушать недовольное ворчание Хэмиша... Он посмотрел в окно.

– Рапорт, который вы приказали мне написать, окончен. Если вы не против, я могу уехать и сегодня.

Боулс пытливо посмотрел на Ратлиджа. Не слишком ли охотно он согласился? Может, он рассчитывает разобраться с корнуолльским делом еще до конца недели? Или Ратлиджу известно о лондонском маньяке нечто такое, что пока неизвестно ему, старшему суперинтенденту, и он рад очутиться подальше от неприятностей? Вот будет номер, если окажется, что он сам отправил Ратлиджа в безопасное место перед тем, как под ним зашатается кресло! Боулс надулся.

– На вашем месте я бы не спешил, – буркнул он. – Надо все хорошенько обдумать. Главное – угодить шишке из МВД!

– Я не буду спешить, – обещал Ратлидж, по-прежнему глядя в окно и уже размышляя о дороге на запад. Проснувшийся Хэмиш, голос из прошлого, сказал у него в подсознании: «Денек-то славный. И я тоже терпеть не могу сидеть в четырех стенах».

После слов Хэмиша Ратлиджу показалось, будто стены давят на него. Вздвогнув, он повернулся к Боулсу и спросил:

– Какие материалы у нас есть по корнуолльским делам?

– Почти никаких. Его светлость не удосужился прислать нам ничего, кроме вот этого...

Боулс протянул Ратлиджу несколько страниц – копии свидетельств о смерти. Оливия Алисон Марлоу, незамужняя. Николас Майкл Чейни, холостяк. Оба совершили самоубийство. Дата совпадала. Они покончили с собой в один день весной текущего года. Ну а Стивен Рассел Фицхью, холостяк, погиб в результате несчастного случая. Он упал с лестницы три дня назад. Три дня назад он, Ратлидж, еще был в Уорикшире.

– На первый взгляд тут нет ничего подозрительного... В обоих случаях.

– Да. Но практика показала, что министерство внутренних дел, как Господь Бог, никогда не ошибается!

Ратлидж подготовился к поездке в Корнуолл только в четыре часа пополудни. В июле дни еще длинные, а солнце теплое. На фронте, на войне, он терпеть не мог жаркие летние дни, когда от земли поднималась резкая вонь от испражнений, трупов и немытого тела. От ужасного смрада кружилась голова. Все еще больше ненавидели немцев за то, что приходилось стоять чуть ли не по колено в собственной моче, и не важно, что сами немцы терпели то же самое. Один сержант клялся, что дома, в Уэльсе, никогда не принимал ванну, и смеялся над новобранцами, которые невыносимо страдали, впервые попав в окопы. Он называл их неженками за то, что они морщили носы. Одежда, шинели, гимнастерки, брюки, носки – летом все невыносимо воняло. Правда, зимой, когда шерстяные ткани не просыхали, было еще хуже.

Хэмиш ухмыльнулся: «Уж не соскучился ли?»

«Нет, – устало ответил Ратлидж, – просто забыть не могу».

«Да-да, – злорадно ответил Хэмиш у него в подсознании, – так уж все устроено, приятель, от себя не убежишь».

Врачи в клинике внушали ему: в том, что он слышит голос капрала Маклауда, нет ничего необычного. Хэмиша Маклауда по приказу Ратлиджа расстреляли за неподчинение приказу. Сразу после этого начался обстрел и живых завалило землей вместе с мертвыми. Выбраться им удалось лишь через несколько часов. В числе выживших оказался и Ратлидж. Его несколько раз ранило, контузило, он стал страдать клаустрофобией, но врачи на пункте первой помощи заявили, что это просто усталость. Ему дали двадцать четыре часа, чтобы выспаться, кое-как подлатали и послали обратно, в строй. Опытных офицеров на передовой тогда не хватало. Следующий после того год Ратлидж почти не помнил. На краю его удерживал только голос

Хэмиша, который изводил и преследовал. Наконец Ратлиджу стало казаться, что Хэмиша слышат и другие. Он страшно мучился при мысли о том, что как-нибудь темной ночью вдруг увидит самого обладателя голоса – при взрыве бомбы или среди гниющих трупов, которые вдруг начинали шевелиться от копошащихся в них червей. Каким-то образом ему удавалось выполнять свой долг – никто на него не жаловался, и солдаты вопросов не задавали. Правда, все были так измучены и испуганы, что думали только об одном: как выжить. Они боялись следующей атаки. Долгая война...

Дорога на Солсбери оказалась почти свободной. Когда Ратлидж выбрался из Лондона, ветерок принес сладкие ароматы полевых цветов, зреющей пшеницы и сена. Конечно, на поезде он добрался бы до места быстрее, но он терпеть не мог крошечные купе, где приходится сидеть бок о бок с другими пассажирами. Там у него от страха бешено колотилось сердце, потели ладони от сознания, что он зажат и не может выбраться.

Найдя гостиницу милях в двадцати за Солсбери, он остановился на ночлег, поужинал жареной бараниной с картофелем и зеленой фасолью. Номер ему отвели маленький, душный, с низким потолком; поэтому спал он плохо. На следующий день, хотя по-прежнему светило солнце, Ратлидж попал под шквалистый ветер, который часто дует на границе с Девонем. Два раза он чуть не пропустил нужный поворот из-за сильного ливня. Дождь кончился быстро, и снова выглянуло солнце. От обочин дорог поднимался пар. Хэмиш не умолкал. Он особенно оживлялся, когда они проезжали деревни, в которых кипела жизнь. По обе стороны дороги росли цветы. Крошечные домики с соломенными крышами буквально утопали в цветущих садах. Тогда по дороге им попадались коровы, которых перегоняли с одного поля на другое. Коровы надолго перегораживали путь. Иногда Ратлидж останавливался, пропуская упитанных гусей, которые не спеша брели к деревенскому пруду. Несколько раз он обгонял телеги, запряженные невозмутимыми лошадьми. Возчики с интересом рассматривали его автомобиль. Часто между живыми изгородями он оказывался единственным человеком, хотя над головой туда-сюда сновали птицы, а на капот садились бабочки. Общая атмосфера успокаивала, умиротворяла.

До Боркума Ратлидж добрался только поздно вечером; деревня находилась в узкой глубокой долине, которая завершалась мысом, спускавшимся к морю. Хотя дождь перестал, но низкие тучи по-прежнему закрывали небо, и свет в окнах домов и битком набитом пабе уже отражался от мокрой мостовой, хотя шел только десятый час. Деревня оказалась небольшой, и он быстро нашел дом констебля Долиша на углу Батчерс-Лейн. Остановившись у белой калитки из штакетника, инспектор протянул руку и толкнул ее, выбравшись из машины, потянулся, разминая затекшие плечи и усталые ноги. Дверь почти сразу открылась, и на крыльцо вышел мужчина без пиджака:

– Инспектор Ратлидж?

– Да. – Ратлидж подошел к крыльцу по короткой дорожке, мощенной плиткой. – Констебль Долиш?

Пожав инспектору руку на пороге, Долиш пригласил его в дом, они прошли в небольшую, теплую комнату рядом с прихожей.

– Позвольте ваше пальто, сэр. Холодно сегодня для июля! Наверное, из-за дождя. Вы ужинали?

– Да, спасибо. Но от чая не откажусь.

– Чайник на плите. – Долиш жестом показал гостю на темно-красный диван, набитый конским волосом. – Там вам будет удобно. А все бумаги по делу лежат в папке на столе рядом с вами. Инспектор Харви просил передать свои извинения; он не смог вас встретить, так как ему срочно пришлось уехать в Плимут. Там нашли одного типа, по приметам похожего на мошенника, которого мы разыскиваем. Обманом лишил трех вдов их сбережений.

– На этом этапе мы прекрасно обойдемся и без Харви, – ответил Ратлидж, оценивающе глядя на констебля Долиша, высокого и худощавого молодого человека с глазами старика. – Были на Сомме? – спросил он наугад.

– И там тоже. Я провел на войне три года, а показалось, что все тридцать.

– Да. Вот именно...

В комнату вошла миссис Долиш, невысокая и пухленькая, и застенчиво улыбнулась гостю. Она принесла на подносе чай, сэндвичи и небольшие лепешки. Поставив поднос на второй стол у камина, но достаточно близко от дивана, миссис Долиш сказала:

– Угощайтесь, инспектор. На кухне есть еще много всего. – С этими словами она вышла. Идеальная жена полицейского!

– Сегодня же прочту все материалы, – пообещал Ратлидж, беря у Долиша чашку с чаем. – Но сначала мне хотелось бы узнать вашу точку зрения.

Долиш сел и с серьезным видом посмотрел на свой чай.

– По правде сказать, я не вижу никаких оснований, чтобы подозревать убийство... Помоему, все так, как мы и заключили. Два самоубийства и один несчастный случай. Инспектор Харви тоже так считает. Самоубийцы никакой записки не оставили, но я сразу же приехал на место происшествия, видел трупы... Вот что я вам скажу, инспектор. Очень трудно инсценировать убийство, придав ему вид самоубийства. Достаточно было взглянуть на тела покойников, на их лица, на всю комнату... Правда, мы так и не поняли, почему они вдруг решили покончить с собой. Мисс Оливия Марлоу была калекой; должно быть, она сильно страдала от своего увечья. По словам экономки, ночами мисс Оливии часто бывало плохо. А мистер Николас Чейни ничем другим и не занимался, только всю жизнь заботился о своей сводной сестре. Конечно, кроме тех лет, когда он был на фронте... Участвовал в битве при Ипре, получил тяжелое отравление, и его комиссовали. Наверное, он думал: если мисс Оливия уйдет, у него в жизни больше ничего не останется... Может быть, ему казалось, что для него уже поздно начинать все сначала. С его-то поврежденными легкими. А может, он и не хотел ничего менять в своей жизни. Знаете, бывают такие люди. Они довольствуются тем, что есть, пусть и не самым лучшим, и больше всего боятся неизвестности, хотя новое может оказаться и благотворным... Мистер Николас был еще молод – моложе мисс Оливии на четыре года. Он вполне мог бы жениться, завести детей... Извините, отвлекся...

Ратлидж покачал головой:

– Нет-нет, продолжайте. В конце концов, вы их знали. И одним из первых побывали на месте происшествия.

Явно радуясь тому, что приезжий из Лондона не давит на него, Долиш кивнул:

– Так вот, то, что я там увидел, не вызвало у меня никаких сомнений. Да и какой у меня был повод что-то подозревать? Ведь нельзя заподозрить убийство там, где его нет, – нет никаких доказательств. Мы известили родственников, они приехали, похоронили брата и сестру. Тем все и кончилось. Потом родственники стали разбирать вещи, чтобы подготовить дом к продаже... должен сказать, дом очень красивый, они без труда его продадут, хоть он и стоит в глуши. Многие нажились на войне и теперь мечтают отмыть свои денежки... – В тихом голосе констебля Ратлидж не услышал горечи, лишь намек на иронию: те, кто сражался на фронте, не нажили себе состояния.

– Дом такой дорогой, что из-за него можно убить?

– Наверное, хотя понадобится много трудов, чтобы снова привести его в приличное состояние. Может быть, наследникам придется сбавить цену. А все, что они выручат, поделят между собой. Только на разборку вещей ушло больше двух недель... Все родственники ночевали здесь, кроме мистера Кормака – ему иногда приходилось ездить по делам в Лондон. Но на прошлые выходные он вернулся. А в последний день, когда они собирались уезжать, мистер Стивен, младший, упал с лестницы и сломал себе шею. Мы установили, что столкнулись

его никто не мог. Когда он упал, остальные находились на улице; мистер Стивен высунулся в окно и крикнул, что спускается. А в следующий миг он упал. Мистер Кормак пошел посмотреть, почему он не идет, и сразу позвал остальных. По словам остальных, времени на то, чтобы столкнуть его, у мистера Кормака не было – он увидел мистера Стивена и сразу закричал. Лестница крутая, застелена старым ковром; должно быть, он зацепился ногой... Все тело у него было в кровоподтеках. Так что он не просто проломил перила и рухнул вниз; пересчитал все ступеньки. А до того, как упасть, он крикнул – все его слышали. – Долиш потянулся за вторым сэндвичем. – Доктор Хокинз считает, что он, наверное, спешил, а при его ноге – он на войне отморожил ступню, и пришлось ее ампутировать – споткнуться ничего не стоило. Теперь его родные винят себя в том, что торопили его.

– А кто они – его родные?

– Семья-то непростая, сэр. Взять хоть Кормака Фицхью; он занимает довольно высокое положение в Сити. Он сын мистера Брайана Фицхью, родился в Ирландии еще до того, как мистер Брайан женился на мисс Розамунде. Или мисс Сюзанна... они с покойным мистером Стивеном были близнецы. Они тоже Фицхью, дети мисс Розамунды от мистера Брайана. Еще там был мистер Даньел Харгроув, муж мисс Сюзанны. И конечно, мисс Рейчел, она их кузина по линии Марлоу. Точнее, она кузина мисс Оливии. Марлоу – фамилия отца мисс Оливии. Мисс Розамунда, мать мисс Оливии, была замужем трижды и родила по двое детей от каждого брака. Но теперь никого не осталось, кроме мисс Сюзанны. Она последняя из них... Из Марлоу, Чейни и Фицхью.

– Значит, Розамунда – кому-то мать, а кому-то мачеха? Кто она такая?

– Урожденная Тревельян, сэр. Ее предки с незапамятных времен владели Тревельян-Холлом. Мисс Розамунда была у своего отца единственным ребенком. Замечательная женщина; в молодости была настоящей красавицей. В Тревельян-Холле есть ее портрет – правда, может, его уже увезли. По-моему, такая женщина, как мисс Розамунда, заслуживала счастья, но ей пришлось пережить много горя... И все же до самой ее смерти никто не слышал от нее ни единого грубого слова. На заупокойной службе священник говорил, что она «светилась внутренним светом»... Точно про нее! – Констебль задумчиво улыбнулся. – Он мало у кого есть.

– Значит, Розамунда... так или иначе... была центром всей семьи. И дома.

– Да, что верно, то верно. Ну а мисс Рейчел – племянница первого мужа мисс Розамунды, то бишь капитана Марлоу, отца Оливии. Мисс Рейчел всю жизнь – правда, с перерывами – прожила в их доме. И мистер Харгроув, муж мисс Сюзанны, впервые приехал в Тревельян-Холл, когда ему было лет двенадцать, не больше. Мисс Розамунда разводила скаковых лошадей, в основном ирландской породы, и частенько покупала их в конюшне Харгроува. Славные лошадки, они часто побеждали на скачках. Помню, в юности и я ставил на них и выигрывал...

– Кто унаследовал дом после смерти Розамунды?

– Дом принадлежал старому Эйдриану Тревельяну, то есть дедушке мисс Оливии. Он завещал дом внучке, а не дочери. Не в упрек мисс Розамунде будь сказано, Эйдриану не слишком нравился ее третий муж. А некоторые говорят, что Эйдриан Тревельян нарочно оставил дом мисс Оливии, чтобы он не достался никому из Фицхью. Не говоря уже о том, что мисс Оливия была калекой, замуж так и не вышла. Эйдриан знал, что внучке нужна крыша над головой. Представьте себе, даже ее родные – а уж местные жители и подавно – не знали, что из нее выйдет знаменитая поэтесса.

– Поэтесса? Оливия Марлоу?

– Да. Только книжки ее выходили под другим именем: О. А. Мэннинг. Я ее стихов не читал. Понимаете, не очень-то я разбираюсь в поэзии. Зато жена разбирается; она говорит, ее стихи очень даже миленькие.

Ратлиджа передернуло. «Миленькие» – явная недооценка творчества поэта по имени О. А. Мэннинг. Ее стихи отличала глубина, своеобразный юмор, смелость и удивительная точность в описании движений человеческой души, их хотелось долго обдумывать, повторять про себя. На фронте Ратлидж читал и стихи о войне, подписанные «О. А. Мэннинг». Он изумлялся тому, что поэту так точно удалось отразить переживания солдат, которые стремятся выжить в кровавой неразберихе. И тому, что поэту хватило мужества облечь чувства в слова. Только на фронте Ратлидж, как и многие, считал, что О. А. Мэннинг – мужчина.

Стихи в сборнике «Крылья огня» были о любви; может быть, именно их читала жена Долиша. Сборник «Крылья огня» был о любви. В отличие от сонетов Шекспира, посвященных таинственной «смуглой даме», стихи Оливии дышали светом, теплом и красотой, смешанными с такой страстью, что невольно пробирала дрожь. «Крылья огня» тронули Ратлиджа, как трогало мало что другое.

Хэмиш в подсознании Ратлиджа проворчал: «Небось, читая стишки, думал о своей Джин? Она не стоит такой любви! Вот моя Фиона – та стояла. Она подарила мне книжку перед тем, как я сел в эшелон, который увез меня в Лондон. Когда откопали мой труп, в кармане у меня нашли окровавленную книжку...»

Ратлидж закашлялся, едва не подавившись чаем.

– Давайте ненадолго отвлечемся от двойного самоубийства, – предложил он. – Ни у кого из его родственников не было особых причин убивать Стивена Фицхью?

– Во всяком случае, не у мистера Кормака, он ведь не имеет на дом никаких прав. После смерти мистера Стивена мисс Рейчел и миссис Харгроув поделят между собой его долю. Но мы и с той стороны все проверили. Финансовое положение у обеих в полном порядке; нет никаких оснований думать, что им нужны были лишние деньги.

– Там, где речь заходит о деньгах, люди способны на странные поступки, – заметил Ратлидж. – Что ж, по-моему, вы рассказали мне все, что необходимо знать на первых порах. Где я буду жить?

– Я снял вам номер в «Трех колоколах», сэр. Гостиница рядом с церковью – вы ее не пропустите.

– Поблагодарите миссис Долиш за чай. – Ратлидж взял со стола документы и пожелал констеблю спокойной ночи.

Снова пошел дождь, он побежал к машине и успел забраться внутрь до того, как на него обрушился настоящий ливень. Он забарабанил по штакетнику, как далекие пулеметные очереди.

«А тебе не кажется, что покойница была ведьмой? – спросил Хэмиш, которому не давала покоя Оливия Марлоу. – Уж больно хорошо она знала войну, приятель! Для женщины такое просто неестественно».

– Она не ведьма, а гений, – вслух ответил Ратлидж, не успев вовремя прикусить язык. Слишком он привык беседовать с Хэмишем.

Дождавшись, когда ливень утихнет, Ратлидж завел мотор и поехал в гостиницу. «Три колокола» показались впереди раньше, чем он ожидал; он резко затормозил у крыльца, подняв брызги. Машину слегка занесло. За зданием гостиницы чернел шпиль колокольни. Он напоминал копьё, направленное в тучи, которые неслись по небу.

«Если повезет, ты выживешь после аварии, – злорадно заметил Хэмиш. – И остаток дней проживешь в инвалидной коляске, и другой компании, кроме меня, у тебя не будет». Ратлидж выругался.

Гостиница разместилась в небольшом доме из серого камня, под темной аспидной крышей, которая, казалось, постепенно придавливает все сооружение к земле. Его ждали; хозяин показал ему номер, выходящий на небольшой садик за гостиницей. Садик больше напоминал

джунгли из переросших роз и рододендронов. Ратлидж быстро, ловко распаковал вещи, уже через десять минут лег в постель и заснул.

Спать он не боялся. Во сне Хэмиш его не донимал.

Зато донимала Джин.

Через несколько часов ветер переменился. В полуоткрытое окно повеяло морем и теплом. Ратлидж пошевелился, перевернулся на другой бок и увидел во сне девушку, которую он когда-то любил... девушку, которая не захотела жить с жалкими останками мужчины, за которого она обещала выйти замуж. Джин по-своему тоже преследовала его.

Она коснулась его руки и повела его по тропинке, которую он помнил; какое-то время ему казалось, что все происходит наяву, она здесь, около него, в его руке ее теплая рука, в тишине слышится ее серебристый смех, ее юбки шуршат совсем рядом, касаясь его, и ничего не изменилось...

Глава 3

На следующее утро его ждали сытный завтрак и любопытный хозяин. Ратлидж уклончиво ответил на его вопросы и, выпив две чашки кофе, ушел. Оказавшись на улице, он посмотрел на небо – привычка, введшаяся в плоть и кровь на войне. Тогда от направления ветра зависело, устроит противник газовую атаку или нет. Несмотря на клочья тумана, которые вились над трубами и над деревьями, Ратлидж решил, что день будет теплый, но не жаркий, по этому можно пройти пешком. В папке, которую дал ему констебль Долиш, он нашел связку ключей и нарисованную от руки карту без указания масштаба. Типичная сельская карта.

Было очень рано, и, хотя несколько местных жителей уже работали в садах, спеша наверстать упущенное из-за дождя время, на улице Ратлидж никого не встретил. В Боркуме была всего одна улица, делившая деревню пополам. Она шла мимо церкви и лавок, спускалась под гору к речушке Бор, давшей название деревне. Дома в основном лепились один к другому; одни стояли стена к стене, другие разделяли узкие тропинки и альпинарии. Внизу что-то блеснуло – речушка или море?

Торговец скобяными изделиями деловито выставлял на улицу бочки и плуги; откуда-то доносился детский смех. Навстречу Ратлиджу по противоположной дороге ковыляла пожилая женщина. Ратлидж перешел дорогу и остановил ее.

Вблизи она оказалась настоящей старухой, которую годы пригнули к земле. Седые волосы были собраны в неопрятный пучок; на плечах лежал старый выгоревший черный платок. Узловатая палка выглядела как продолжение искривленной руки.

– Прошу вас... – мягко начал Ратлидж, не желая ее напугать.

Старуха глянула на него пронизательными водянистыми глазами, которые как будто видели его насквозь.

– Вы ведь не из Боркума, верно? – спросила она, оглядев его с головы до ног. – Если вам нужен констебль, придется подождать минут двадцать, не больше.

Удивленный, Ратлидж начал было:

– Да нет, вообще-то...

– Значит, вы заблудились и хотите узнать дорогу?

– К дому Тревелиянов. Вы не скажете, как его найти?

– Вы турист, молодой человек?

Прошло много лет с тех пор, как Ратлиджа называли «молодым человеком».

– Да.

– Так я и думала. Пройдете по этой дороге еще примерно милю. У развилки поверните направо. Идите по тропинке до конца, увидите ворота и аллею, которая ведет в гору. Подниметесь на вершину и увидите Тревелиан-Холл.

Указания – если они были верными – показались ему вполне ясными и четкими. Старуха хрипло хихикнула:

– Я живу здесь больше восьмидесяти лет!

Она как будто прочитала его мысли. Хэмиш заворочался у него в подсознании, и взгляд старухи сделался еще более цепким. Но она ничего не сказала и заковыляла дальше, как будто довольная тем, как сложился разговор с незнакомцем. Ратлидж смотрел ей вслед, уверенный в том, что она знает об этом. Любая женщина, независимо от возраста, чувствует мужские взгляды.

Хэмиш засмеялся: «Ты в Шотландии не жил, старина!» – никак не объясняя своего замечания.

Следуя указаниям старухи, Ратлидж зашагал по узкой дороге, по которой накануне ехал в автомобиле. Найдя развилку между полями, где стояли стога сена, он прошел мимо несколь-

ких домиков, участков возделанной земли и большого пастбища. Через полчаса он добрался до ворот, почерневших и разбухших от дождя и ветра, и зашагал между высокими, мокрыми кустами рододендронов, за которыми возвышались деревья. Ему казалось, что он углубляется в туманное море. Но, поднявшись по извилистой тропинке в гору, он увидел солнце. Вдали, посреди красивой лужайки, стоял дом, окруженный парком. От моря его отгораживал длинный покатый мыс.

Ратлидж сразу понял, что дом строили и достраивали в разные эпохи. Основа, скорее всего, тюдоровская; пристройки сооружали во время Реставрации, в георгианскую и викторианскую эпохи. Зато высокие, зубчатые ворота у конюшни явно появились в более отдаленном прошлом. Родовые усадьбы английской знати, такие как Бленхейм, Хатфилд, Лонглит и Чатсуорт, громко заявляли о власти и деньгах. Тревелиян-Холл тихо и с достоинством говорил о почтенном возрасте и старинной родословной. О вечности, гордости и покое.

Он любовался поместьем сверху, живо представляя его славное прошлое и пробуя угадать, какими были его владельцы. Он ощутил... грусть? Нет, не грусть, нечто более сильное, связанное с этим местом, и оно словно притягивало его к себе.

Зато Хэмишу поместье пришлось совсем не по вкусу.

«Слишком здесь много мертвецов, – с трудом проговорил он. – И они не лежат спокойно в своих могилах!»

Ратлидж широко улыбнулся:

«Будь Тревелиян-Холл моим, я бы тоже после смерти вернулся сюда. Зачем скучать на кладбище, если отсюда открывается такой вид?»

За мысом в утренней дымке блеснуло море. На волнах плясали белые барашки. Ратлидж прищурился; ему показалось, что в том месте, где мыс спускается к воде, есть небольшая полоска пляжа. Вдали, чуть правее, виднелись крыши Боркума.

Будь он проклят, если старая ведьма не послала его сюда самой длинной дорогой! Наверняка можно было свернуть в рощу у последнего дома в деревне и дойти до поместья Тревелиянов минут за десять или пятнадцать.

Он отпер дверь ключом, который дал ему Долиш, и очутился в просторном холле; широкая парадная лестница вела на галерею второго этажа. Сбоку от лестницы Ратлидж увидел большой старинный камин. Дубовые балки на потолке потемнели от времени и прокоптились дымом.

Наверное, именно оттуда упал Стивен Фицхью. Ратлидж подошел к подножию лестницы и принялся внимательно осматривать ее: неровные ступени, темные дубовые балясины, резные перила. Если бы он стоял с левой стороны, он бы рухнул вниз. Если же он стоял справа, то, потеряв равновесие, вначале упал на площадку и покатился вниз... Кстати, нигде не было написано, где стоял Стивен, когда упал, – слева или справа.

Судя по документам, которые Ратлидж прочел за завтраком, Стивен Фицхью где-то посередине, на повороте, ударился о перила и сломал себе шею. К подножию лестницы он скатился либо уже мертвый, либо почти мертвый. Врач по фамилии Хокинз отметил отпечаток резьбы на затылке Стивена Фицхью, под сломанным позвонком. Кроме того, Хокинз упомянул об ампутированной стопе, из-за которой покойный и в лучшие дни ступал неуверенно. Возможно, в его положении нога не позволила ему быстро восстановить равновесие и удержаться от ужасного падения. На площадке нашли его трость, застрявшую между перилами. Пока все выглядит как несчастный случай... с результатами дознания трудно спорить.

Внутри было холодно; теперь в Тревелиян-Холле никто не жил, и каминные топили. Ратлидж не стал снимать пальто. Он медленно, осторожно бродил по дому. Красиво, но не роскошно. Парадные комнаты – столовая, гостиная, большая библиотека – были обставлены хорошей, добротной мебелью, но выглядели так, словно в них уже давно никто не жил. Все стояло на своих местах. Ратлидж не увидел ни разбросанных журналов, ни цветов в высоких вазах, ни

солнечных зайчиков, проникавших внутрь между раздернутыми шторами, ни собак, которые валялись бы на ковриках у каминов. Он вспомнил, как в детстве родители повезли его в какой-то дворец, где женщина-экскурсовод кричала пронзительным голосом, эхом прокатывавшимся по всем комнатам: «Здесь владельцы замка принимали трех премьер-министров, шесть членов королевской семьи и королеву, которой особенно полюбилось вон то синее шелковое кресло».

Тогда он напрасно вертел головой по сторонам, в поисках знатных персон, о которых говорила экскурсовод. Отец одернул его, приказав стоять смирно и слушать.

Зато малая гостиная с окнами на парк и море да еще кухня выглядели более обжитыми. Похоже, на самом деле хозяева жили здесь: топтали ковры, сидели в креслах, отчего вытерлась обивка, читали книги, стоящие на низких стеллажах. Еду готовили на большой плите, посуду мыли в каменной раковине. Кухарка чистила картошку, сидя в потемневшем от времени деревянном кресле.

Он вернулся к лестнице. По ней ходило несколько поколений семьи, и до недавнего времени несчастных случаев не было ни разу. Заволнованный в его подсознании Хэмиш прошептал: «Не нравится мне все это. Оставь-ка ты мертвецов в могилах, старина!»

Наверху находились спальни – просторные, очень пропорциональные, с высокими окнами и красивыми каминами. Обстановка выглядела старомодной. Судя по всему, хозяева не обращали внимания на выцветшие гобелены и потертые ковры. Привычное и уютное они предпочитали новому.

Благодаря поэтажному плану, нарисованному для него констеблем Долишем, Ратлидж быстро нашел кабинет, в котором Оливия Марлоу и Николас Чейни покончили с собой. Кабинет оказался длинным и просторным; окна выходили на море и на парк. Комнату заливал солнечный свет; здесь было тепло. Обстановка не выглядела ни мужской, ни женской. С первого взгляда было понятно: в этой комнате хозяева бывали часто. Она была очень удобная и явно любимая. О прославленной поэтессе напоминала лишь накрытая шалью пишущая машинка на столе у окна. Ратлидж представил, как экскурсоводы будут объяснять, показывая на книжные полки по обе стороны от стола: «Поэтесса черпала вдохновение в трудах...»

Черпала ли? Кто знает?

Рядом стоял еще один стол. За ним работали – занимались резьбой по дереву. Среди щепок и стружки лежал белый незаконченный остов большого корабля. Модель океанского лайнера, подумал Ратлидж, глядя на остов. А в длинной витрине под окном, с видом на парк, стояли уже готовые корабли – искусно выполненные модели. Некоторые он узнал – «Олимпия», «Сириус», «Лузитания». Кто их смастерил? Николас Чейни? Была ли резьба по дереву его хобби, или корабли просто символизировали любовь к морю, которая нашла свое воплощение только в этой комнате?

Он подошел к стоящему у стены дивану, где несколько месяцев назад нашли тела сводных брата и сестры; они держались за руки, словно искали друг в друге утешение, когда вокруг сгустился мрак. Почему они умерли?

«Не нравится мне здесь, дружище, – заявил Хэмиш. – Вот увидишь, окажется, что их все-таки убили».

«Часто бывает, что убийство коренится в других местах, а не в нескольких шагах от того места, где все случилось. И все-таки почему они умерли? Почему именно в ту ночь?»

– Эй!

Услышав оклик откуда-то, видимо из холла, Ратлидж вздрогнул от неожиданности.

Он вышел на галерею и посмотрел вниз. У подножия лестницы стояла женщина. Войдя, она не закрыла за собой дверь и теперь встревоженно смотрела наверх, как будто боялась того, кто может неожиданно выскочить из какой-нибудь комнаты второго этажа.

– Инспектор Ратлидж, – представился он, спускаясь вниз. – Я приехал вчера ночью, а сегодня решил осмотреться на месте. Ключи мне дал констебль Долиш.

– Ах вот оно что! – с облегчением улыбнулась незнакомка. – Когда я вошла, мне показалось, что наверху кто-то разговаривает. Я не знала, кто сюда мог войти. В последнее время нам очень докучают репортеры...

Ратлидж на вид определил, что незнакомке около тридцати лет. Стройная, невысокого роста. Ее овальное лицо покраснело от ходьбы, светло-каштановые пряди, выбившиеся из пучка на затылке, забавно завивались, обрамляя щеки. Не красавица, но очень хорошенькая. Дождавшись, пока он спустится, она сказала:

– Как я рада, что к нам наконец прислали кого-то из Скотленд-Ярда. Я Рейчел Ашфорд. Это я попросила, чтобы... смерть моих близких расследовали заново.

– Вы – леди Ашфорд?

Ее улыбка изменилась.

– Мой муж умер. Титул перешел к его брату, сэру Генри. Значит, Генри назвал меня «леди Ашфорд»? Как похоже на него!

– Вы – вдова Питера Ашфорда? – спросил удивленный Ратлидж. – Мы с ним вместе учились в школе.

– Питер погиб на войне. Он был в Кении: принимал участие в экспедиции на Килиманджаро.

– Простите... я не знал. – Значит, это она, та титулованная старая стерва, о которой с такой ненавистью говорил Боулс! Известие о смерти Питера потрясло Ратлиджа. Длинный список погибших друзей пополнился еще одним именем. Не раз он чувствовал вину за то, что остался в живых. Помолчав, он с трудом заставил себя продолжать: – Значит, вы считаете, что инспектор Харви и констебль Долиш недостаточно тщательно вели расследование?

– Да.

– Почему?

– Потому что... ах, я не знаю, просто чувствую. – Она поморщилась. – И прихожу к выводу, что в деле как-то слишком много совпадений. Три смерти в одной семье всего за месяц! Я... хорошо знала Ливию и Николаса; они вовсе не были такими, какими их описали журналисты: калека-поэтесса и ее преданный брат. Все не так; они не могли покончить с собой из-за слабого здоровья!

– Насколько я понимаю, Оливия Мэн... Марлоу... в детстве переболела полиомиелитом. А Николаса Чейни на войне отравили газом.

– Ну да, – ответила Рейчел Ашфорд, словно защищаясь, – конечно, так оно и было, но не нужно преувеличивать. После болезни... в раннем детстве... у Оливии парализовало одну ногу. Сначала она ездила в инвалидной коляске, но потом Николас смастерил ей особую шину, и она смогла сама ходить повсюду, где захочет. Просто чудо! До сих пор помню, как она смеялась от радости, когда впервые попробовала сделать несколько шагов. Мы все ждали на пороге ее комнаты. Когда няня приладила ей шину, Оливия засмеялась, Николас, стоявший рядом со мной, запрыгал на месте и закричал что-то в знак ободрения. Розамунда плакала, а Ричард от волнения ничего не мог сказать и просто замолотил кулаками в дверь... – Голос у нее сорвался, и она вызывающе посмотрела на лестницу, как будто боялась снова услышать детские голоса. – Если Оливия и покончила с собой, – после паузы продолжила Рейчел, – то не из-за ноги! Она смирилась с ней, сжилась, привыкла к боли – нет, не болезнь довела ее до отчаяния и самоубийства.

Солнечный свет, льющийся в открытую дверь, не доходил до них и не согревал просторный холл. И все же Ратлидж слышал пение птиц снаружи.

– Допустим, Оливия все же хотела покончить с собой... по неизвестной причине... – заговорил он. – Почему она позволила Николасу присоединиться к ней в смерти? Почему не позаботиться о том, чтобы ее сводный брат продолжал жить, как бы трудно ему это ни казалось? Почему она не покончила с собой в собственной спальне, где ее никто не видел?

Рейчел прижала пальцы к глазам, как будто глаза еще щипало от слез. А может, она хотела спрятаться от него.

– После того как они... я и сама задавала себе этот вопрос сто... нет, тысячу раз! Они... Оливия и Николас... были очень близки. Если бы кто-нибудь удосужился спросить меня, я бы ответила, что Оливия скорее прыгнула бы ночью в море с обрыва, чем позволила Николасу умереть вместе с собой. Конечно, может статься, он последовал за ней в состоянии аффекта, но у Николаса была холодная голова, ясный ум. Он терпеть не мог драматизировать. Если бы она... умерла, он, возможно, на другой день бросился бы в море... – Опустив руки, Рейчел с горечью спросила: – Вы понимаете, что я имею в виду?

Ратлидж понимал, хотя Хэмиш и бормотал, что в ее словах нет никакого смысла.

– И все же они умерли вместе.

– Да, вот что внушало мне сомнение с самого начала. Я почти ничего не говорила остальным; мне кажется, они бы не пожелали слушать, как я тревожусь из-за того, что мы не в силах изменить. Или усугубляю положение, напрасно поднимаю панику... Но чем больше я думаю о случившемся, тем яснее для меня: здесь что-то не так. Уж очень все... необычно, странно.

– Вы считаете, кто-то из ваших кузенов... включая Стивена... способен был убить Оливию и Николаса?

Рейчел вскинула на него ошеломленный взгляд:

– Нет, что вы! Сюзанна и Стивен не способны никого убить. А Даньел... зачем ему?

Ратлидж улыбнулся:

– Если есть убийство, то, как правило, находится и убийца.

– Не ищите его среди нас! – встревоженно воскликнула Рейчел.

Как часто Ратлидж слышал такие слова, когда расследовал чью-то смерть, произошедшую при подозрительных обстоятельствах! Да, возможно, жертву убили... Но не ищите убийцу среди нас. Несчастного убил чужак. Психопат, маньяк. Завистливый сосед или сослуживец. Женщина из дома напротив. Но не кто-то из нас. Постепенно на поверхность начинали всплывать старые воспоминания, и родственники принимались тыкать друг в друга пальцами. В любой семье можно найти скелеты в шкафу.

– Тогда кто? – мягко спросил он.

– Поэтому я и позвонила Генри и попросила прислать сюда кого-нибудь из Скотленд-Ярда! Я хочу, чтобы дело открыли заново и еще раз внимательно изучили обстоятельства, при которых они умерли. Мне нужен человек объективный, опытный, который понял бы, что произошло здесь на самом деле. Не обычный деревенский констебль-увалень, который идет по пути наименьшего сопротивления. После такого, с позволения сказать, следствия остается больше вопросов, чем ответов. То есть... самоубийство – вещь сама по себе неприятная, ну а убийство стало бы... просто бедствием для семьи. – Она посмотрела на Ратлиджа так, словно впервые его увидела. Худое лицо, глаза, в которых затаилось страдание. В нем чувствовался ум, но не только, но что еще – она пока и сама не знала.

– Я побывал в комнатах наверху, но не нашел там ни одной фотографии. Есть ли у вас семейные снимки, которые я мог бы позаимствовать на время? – Главным образом его интересовала Оливия Марлоу, женщина, написавшая такие стихи. Но и на других взглянуть тоже небесполезно – ведь он приехал на место происхождения слишком поздно.

– Мы все забрали. Скоро дом выставят на продажу, и мы не хотели оставлять ничего личного... сейчас я пришла за кораблями, – взволнованно объяснила Рейчел. – Я... мне не хватало духу прийти сюда раньше. Ведь корабли в той комнате, где они... где все случилось. У меня есть фотографии, я их найду. Где вы остановились?

– В «Трех колоколах», – ответил Ратлидж, которого заинтриговала ее горячность. – А что вы можете рассказать о смерти Стивена Фицхью?

Рейчел Ашфорд вздрогнула и невольно отвела взгляд от лестницы:

– Ужас... Он лежал у подножия, широко раскрыв глаза... У щеки растеклась лужица крови – не знаю, вытекла она из уха или изо рта. Кормак сказал, что он умер, пока мы смотрели на него, но я не заметила никакой перемены, ничего не услышала... ни вздоха, ничего. А я ведь стояла рядом с ним на коленях, положив руку ему на грудь, звала его по имени. Знаете... мне доводилось видеть, как умирают люди. Я была в Лондоне во время налета цеппелинов, видела, как погибших выносили из разрушенных домов. Но в тот раз передо мной был не кто-нибудь, а Стивен... – Она с трудом взяла себя в руки и повернулась к открытой двери и вздохнула. – Пожалуй, мне сейчас лучше уйти. Мужчины не любят, когда женщины плачут, а мне иногда трудно бывает...

Он не стал возражать и смотрел вслед стройной фигурке, которая удалялась в сторону моря.

Значит, вот она какая – леди Ашфорд, урожденная Рейчел Марлоу, кузина Оливии и Николаса, которые жили в Тревельян-Холле! Жена Питера. Точнее, вдова. Ратлидж живо представил себе Питера – высокого, спортивного, уравновешенного. Ему удавалось все, за что бы он ни брался. У него была способность к языкам; он учил иностранные языки практически без усилий и говорил на них, как на родном. И все его таланты погибли напрасно в попытке отвоевать гору в Восточной Африке, которую королева Виктория в свое время подарила кайзеру... Ужасно нелепо... Англичане гибли, пытаясь отвоевать гору у немцев. Но немцами руководил опытный стратег фон Леттов-Форбек; он стремился отвлечь на себя силы британцев, тем самым ослабляя их позиции на Западном фронте.

Ратлидж снова поднялся на второй этаж, в кабинет, и принялся внимательно осматривать мебель, книги, деревянные корабли, которые вырезал Николас Чейни. В конце концов, Николас оставил после себя больше, чем поэтесса...

Двое людей вместе покончили с собой по неизвестной причине. Они не оставили близким записки с просьбой простить их за ужасный поступок и объяснением, почему они его совершили. Ни в чем не признавались, не упрекали выживших. После них осталось лишь молчание. Звонящая пустота.

Хэмиш все больше тревожился – на него действовало беспокойство Ратлиджа. Шотландец призывал его поскорее уйти из этого дома, умыть руки и вернуться в Лондон.

Опомнившись, Ратлидж вышел из кабинета и отправился в комнату Оливии.

Внизу, в холле, снова послышался чей-то хриплый голос:

– Какого дьявола... кто вы такой?

Ратлидж глянул вниз. Сначала он никого не увидел, а затем разглядел высокого мужчину, стоящего в тени у порога.

– Инспектор Ратлидж, Скотленд-Ярд, – ответил он. – Ключ мне дал констебль Долиш, и я здесь по делу. А вы кто такой?

– По делу? А что случилось? – отрывисто спросил незнакомец.

– В настоящее время Скотленд-Ярд намерен вновь расследовать обстоятельства смерти мисс Марлоу, мистера Чейни и мистера Фицхью, – ответил Ратлидж, глядя вниз.

Мужчина, с которым говорил инспектор, обладал редкой мужской красотой. Он напомнил Ратлиджу древнегреческую статую: пропорциональное тело, прекрасной лепки лицо и глаза, в которых светится ум. Вместе с тем что-то в его внешности позволяло безошибочно угадать в нем ирландца. Может быть, перед ним Даньел Харгроув, муж Сюзанны Фицхью?

Ратлидж не успел проверить свою догадку, потому что незнакомец представился:

– Я Кормак Фицхью. Член семьи. Мне никто не говорил, что дело открывают вновь! Ни местная полиция, ни семейные адвокаты. Что вы здесь делаете?

– Осматриваю место происшествия, – невозмутимо ответил Ратлидж, останавливаясь на нижней ступеньке. Ему часто доводилось иметь дело с такими людьми, как Кормак Фицхью, –

привыкшими приказывать и ждущими немедленного и беспрекословного подчинения. Такие, как Кормак, ему никогда не нравились.

Хэмиш буркнул: «Все они надменные ублюдки, все до единого!»

– Я немедленно положу этому конец! Будьте любезны, дайте сюда ключи и немедленно покиньте Тревелиан-Холл. Никакого нового следствия не будет; никто не смеет лезть в наши семейные дела!

– Мистер Фицхью, к сожалению, в данном деле у вас нет права голоса. Следствие возобновляет Скотленд-Ярд по просьбе, поступившей из министерства внутренних дел. Вам придется сотрудничать с нами; другого выхода у вас нет. – Ратлидж помолчал и продолжил: – Если, конечно, вам нечего скрывать в связи со смертью ваших родственников...

Фицхью посмотрел на Ратлиджа так, словно инспектор его ударил.

– Я занимаю в Лондоне видный пост...

– Мне очень жаль, – перебил его Ратлидж, – но здесь ваше положение никакой роли не играет!

– Да, мне есть что скрывать, – сухо сказал Фицхью, сменив курс так быстро, что даже обескуражил Ратлиджа. – Мои сводные брат и сестра покончили с собой. Как вы понимаете, радоваться тут особенно нечему, но они сами сделали свой выбор. Причины, по которым они покончили с собой, сугубо личные. Сомнений в том, что они покончили с собой, ни у кого не возникало. Они приняли лауданум. Я не понимаю, зачем понадобилось предавать огласке их проблемы и перемывать им кости в прессе. Такая жестокость больно ранит меня, мою кузину и мою сводную сестру с мужем. Наши несчастья вытащили на потеху публике, которой наплевать на моих родных! Всем приятно пощекотать себе нервы. Боже мой, вы только посмотрите, как в газетах смакуют каждое новое нападение «Потрошителя из Сити»! Как будто тут чем-то можно гордиться...

С последней сентенцией Фицхью Ратлидж был совершенно согласен, но вслух он ничего не сказал.

Помолчав, Кормак Фицхью вздохнул и чуть хладнокровнее спросил:

– Никак нельзя отговорить вас от расследования?

– К сожалению, нет. – Ратлидж не упомянул о том, что повторное следствие может прийти к тем же выводам, к каким пришел и коронер на дознании. Или что пока он не нашел никаких улик, не услышал ничего нового, чтобы сделать больше, чем он уже делает: задает самые обычные вопросы. Ратлиджа куда больше интересовало другое: куда заведет собеседника его вспыльчивость.

Кормак на некоторое время замолчал. Он как будто вступил в спор с самим собой и нехотя принял решение.

– Что ж, тогда пойдемте; ни к чему стоять в холле, как незванным гостям.

Он повел Ратлиджа в гостиную, издали посмотрел на задернутые шторы и на пустое пространство над камином, где раньше висел большой портрет.

– Непривычно видеть дом таким. В моем детстве он никогда не пустовал. Ни дня не был темным, унылым и печальным. Но детство мое закончилось и, наверное, унесло все воспоминания с собой. Садитесь, старина.

Ратлидж сел напротив Фицхью. Интересно, что намерен поведать ему этот лохоточный обитатель лондонского Сити?

Оказалось, совсем не то, что он ожидал.

– Учтите, то, что я сейчас расскажу вам, я никому еще не рассказывал. Если вы решите воспользоваться моими словами, я буду все отрицать. Объявлю, что вы все придумали в отчаянной попытке продвинуться по службе или укрепить свою репутацию... в общем, придумаю что-нибудь. Вы понимаете? В моих силах доставить вам немало неприятностей по работе.

Ратлидж встал:

– Сотрудники Скотленд-Ярда не привыкли к угрозам!

– Черт побери, да я вовсе не угрожаю вам! Я стараюсь оградить от неприятностей моих родных, на что, согласитесь, имею право! Сейчас я поведаю вам страшную, неудобную, неприятную, но правду. Поскольку убийца уже умер и нет смысла наказывать живых, верно?

– О чем вы? – спросил Ратлидж. Хэмиш у него в голове буркнул: «Берегись!»

Кормак Фицхью глубоко вздохнул. Он успел оценить противника, понял, что от Ратлиджа так просто не отделаешься, и решил поскорее покончить с делом.

– Оливия Марлоу... то есть О. А. Мэннинг... была замечательным поэтом и незаурядной женщиной. Жизнь для нее была вещью, игрушкой, которой она стремилась обладать. Она хотела, чтобы ее обожествляли, чтобы ею восхищались. Но, помимо всего прочего, она была хладнокровной убийцей.

Глава 4

Ратлидж посмотрел в лицо своему собеседнику; оно выражало убежденность и боль. Слова Кормака Фицхью глубоко ранили Ратлиджа. Хотя лично он не был знаком с Оливией Марлоу, но читал ее стихи. Как могла женщина, сочинившая «Крылья огня», быть способной на хладнокровное убийство?

«Очень просто! – закричал в ответ Хэмиш. – Она не только воспаряла к небесам, но и опускалась в бездны... Жуть какая! Знать ее не желаю!»

Фицхью внимательно наблюдал за ним, следил за его реакцией. Глаза его при таком освещении казались очень светлыми, серо-голубыми, ясными, благожелательными.

– Теперь вы понимаете, почему я готов пойти на все, лишь бы защитить честь семьи?

– Да, понимаю. Вы выдвинули обвинение, но меня вы не убедили, – неожиданно для себя ответил Ратлидж.

Фицхью подошел к лакированному шкафчику у стены, достал оттуда два стакана и хрустальный графин с виски.

– Не знаю, как вам, а мне не повредит. – Он поднял второй стакан и вопросительно посмотрел на Ратлиджа.

Инспектор кивнул. Наливая виски и содовую, Фицхью продолжал:

– Я знаю, что Николаса убила Оливия. Он не покончил с собой – просто не мог. Николас не искал в жизни легких путей. Наверное, Оливия каким-то образом обманула его. Хотя, откровенно говоря, после отравления ипритом он постоянно кашлял; у него были больные легкие. Может быть, он в первый раз осознал, какую боль пришлось выносить Оливии много лет... Не знаю, трудно судить. Хочется верить, что они покончили с собой, но, когда я остаюсь один, невольно думаю, что его смерть – ее рук дело. Что бы он сам в конце концов ни решил, Оливия вознамерилась забрать его с собой – и забрала. Она никогда не бывала одна. Возможно, она не сумела вынести мысли о том, что умрет в одиночестве. Кто знает, что творилось у нее в голове?

Кормак подал Ратлиджу стакан и, взяв свой, сел напротив и сразу же сделал большой глоток, как будто хотел притупить боль. Ратлидж отпил совсем чуть-чуть. В ожидании, когда его собеседник продолжит, он внимательно оглядывал комнату. Заметил китайский шелк на стенах, изумительный по пропорциям камин, фасонные медальоны на потолке. Полированные деревянные полы потемнели и потускнели... Оливия тоже потускнела. Ничто из происходящего сейчас уже не трогает ее. Правда, остается еще ее доброе имя...

– Мне известно доподлинно – доподлинно, учтите, хотя никаких доказательств у меня нет, – что Оливия убила Анну, свою сестру-близнеца. Анна умерла в восемь лет, упала с яблони в саду, где мы все играли. Тогда я еще не был членом семьи. Мой отец привозил Розамунде лошадей. Розамунда тогда вышла замуж за Чейни... он стал ее вторым мужем. Первый муж, капитан Марлоу, скончался в Индии от холеры, когда ненадолго поехал туда, чтобы закончить там свои дела. Розамунда вышла за его близкого друга, Джеймса Чейни. В общем, в то время, о котором я сейчас рассказываю, Николас был совсем маленький, а Ричард, его младший брат, только учился ходить. Мы пошли играть в сад; я залез на дерево и стал рвать яблоки. Они были не очень крупные и кислые, но в детстве это не имеет значения. Оливия сказала, что тоже залезет на дерево, и выбрала себе подходящую яблоню.

Кормак поболтал виски в своем стакане, глядя в него, как будто там содержалось больше ответов, чем знал он сам.

– Я еще сидел на другом дереве, когда следом за Оливией полезла Анна. Николас стоял под деревом, держался за ствол и смотрел вверх, на сестер, – наверное, хотел последовать их примеру, но он был еще маленький, не мог допрыгнуть даже до нижней ветки. Анна была...

довольно своенравной. Наверное, немного избалованной. Она добралась до той ветки, на которой сидела Оливия, и сказала: «Теперь это мои яблоки, а ты поищи себе другую яблоню».

Покосившись на Ратлиджа, Кормак Фицхью продолжал:

– Оливия отказалась слезать. Она терпеть не могла уступать, если кто-то пытался ее притеснять. «Так нечестно!» – говорила она и стояла на своем, невзирая на последствия. За это я ею восхищался...

– Что произошло? – спросил Ратлидж, когда его собеседник снова замолчал. – Выкладывайте, старина!

– Они поссорились. Анна тоже не желала уступать. И тогда Оливия столкнула ее с дерева. Падая, Анна ударилась о нижнюю ветку, что и спасло Николаса. Но она сильно ударилась головой, а потом еще напоролась на толстый корень, который торчал из травы... – Кормака перевернуло. – Господи! Когда я увидел, как Стивен лежит у подножия лестницы, я подумал, что с ним случилось то же самое, что с Анной! – Он отпил еще виски и продолжал: – Я кубарем скатился со своей яблони и только потом заметил, что ободрал колени. И сразу бросился к Анне. Сразу было видно, что она умерла. Я поднял голову и посмотрел на Оливию, а она, не слезая с дерева, посмотрела на меня сверху вниз. Ее лицо показалось мне непроницаемым. Правда, кем я был для нее? Почти прислугой; сыном лошадника. Я играл с детьми Розамунды, иногда ел с ними за одним столом, но не был одним из них! Я побежал к взрослым, стал звать на помощь, но о том, что видел, умолчал. Сказал только, что Анна упала, когда мы лазали по деревьям.

– И вы даже отцу не сказали, что произошло?

– Отец тогда уже всерьез увлекся Розамундой Чейни. Он бы мне не поверил! Не поверил, что одна из ее драгоценных дочек могла убить другую! Он бы назвал меня вруном и надрал мне уши. Хорошо еще, что Анна не упала на Николаса. В тот день могли умереть двое. Анна и Оливия забрались довольно высоко. Если бы Анна упала на Николаса...

– Насколько я понимаю, Оливия была инвалидом. Как же она сумела так высоко забраться?

– Да, она была калекой. Парализованная нога ей здорово затрудняла движение, но руки у нее были цепкие. Ей гораздо труднее было спускаться, чем подниматься. Но Оливия была не из тех, кто... отказывал себе в нормальной жизни. Мы повсюду возили за собой ее инвалидное кресло – и к морю, и в сад, и на утесы. А иногда и в деревню.

– То, что вы рассказали, очень любопытно. Но вы сами признаете, что никаких доказательств у вас нет.

– Да. И все же мой рассказ способен наделать немало бед. И потом, остается еще Ричард.

– Тот малыш, который во время смерти Анны только учился ходить?

– Да, верно. Он пропал на болотах, когда ему было пять лет. Семья отправилась на пикник, и Ричард с Оливией ушли гулять. Оливия вернулась одна, без брата, и хотя мы искали до темноты и потом всю ночь, с фонарями, взятыми в соседних домах, мы так его и не нашли. Ни его самого, ни его тела. Ричард просто исчез.

– И вы считаете, что его убила Оливия и каким-то образом спрятала тело?

– Кто знает? Предполагали всякое. Одни говорили, что Ричарда украли цыгане. Он был красивый мальчик, светловолосый, больше похожий на Розамунду, чем на Николаса – тот был смуглый. Другие считали, что он свалился в заброшенную шахту. Главное, что Оливия ушла вместе с ним, а вернулась без него. Возможно, он нечаянно провалился в бездонное болото... А может, его туда столкнули. Болото рядом с местом пикника осушили, но так ничего и не нашли. Я бы ни за что не поверил, что Ричарда убила Оливия, если бы Анна не погибла у меня на глазах. Итак, их осталось только двое – Оливия Марлоу и Николас Чейни. Вскоре после того, как пропал Ричард, умер Джеймс Чейни. Нечаянно застрелился, когда чистил револьвер. Такой вердикт вынес коронер. Я часто гадал, не горе ли из-за Ричарда сделало его беспечным. Он ни за что не хотел прекращать поиски; пришлось привязать его к лошади, чтобы утащить

от болота. Розамунда... Розамунда всегда была сильной. Никогда не забуду, как она брела в темноте, с фонарем в руке, решительная, молчаливая. В глазах у нее стояли слезы, но она молчала. Не говорила ни слова. Я пошел с ней. Подумал, если кто-то и найдет мальчика, то только она. Она обладала... не знаю, как лучше сказать... чутьем, что ли? В тот раз Розамунда вообще не хотела ехать на пикник, но к ним приехали знакомые из Уэльса, и Джеймс решил, что пикник их развлечет. До конца дней он не мог себе этого простить.

– Но доказательств все-таки нет, – заметил Ратлидж, хотя Хэмиш очень оживился, услышав о чутье Розамунды. Ратлидж сам едва не потерял чутье после войны, стараясь как-то обрести равновесие. Теперь он яростно спорил с голосом у себя в голове, напоминая Хэмишу, что было, когда он в последний раз доверился своему чутью – в Уорикшире. Ему бы не хотелось лишний раз вспоминать то дело. Вслух же он сказал, обращаясь к Фицхью: – То, что вы говорите, очень интересно, но, может быть, вы лжете? А может, их убил кто-то другой. Или они погибли в результате несчастного случая...

Фицхью осушил свой стакан и поставил его на каминную полку.

– Как скажете. Но, ради всего святого, старина, запомните то, что сейчас услышали. И не пытайтесь изображать героя, не вытаскивайте ни Оливию Марлоу, ни О. А. Мэннинг на суд публики. Если я прав и Николас действительно умер от рук Оливии, пусть уж лучше все считают, что он покончил с собой. Вы можете оказать нам, их родным, такую услугу?

– А что же Стивен Фицхью, ваш сводный брат?

– На войне он лишился стопы. Ему трудно было ходить. Он упал с лестницы... Но, если хотите знать правду, во всем виноват я. Когда он высунулся в окно и крикнул, что задержится всего на пять минут, я проявил нетерпение, так как хотел успеть на поезд, и велел ему поторопиться, иначе мы уедем без него. Он и поторопился... И умер. Иногда по ночам я до сих пор просыпаюсь в холодном поту, и мне хочется откусить себе язык.

– Насколько я помню, Стивен, единственный из всех родственников, был против продажи дома. Теперь Тревелиан-Холл можно продать без помех.

– И скорее всего, куплю его я, – сказал Кормак Фицхью, забирая пустой стакан у Ратлиджа и ставя его рядом со своим на каминную полку. – Поэтому я сегодня сюда и приехал. Я давно вынашивал мысль купить Тревелиан-Холл. Я подыскивал загородный дом, правда, рассчитывал поселиться ближе к Лондону. Теперь и из-за дома я тоже чувствую себя виноватым. Плохо, если он уйдет из семьи. И все же я не стану слушать Стивена и не превращу Тревелиан-Холл в дом-музей О. А. Мэннинг... Представляю, как оживились бы литературоведы, если бы я поведал им то, что сейчас говорю вам! Оливия стала бы не просто знаменитостью. Ее окружала бы дурная слава.

Ратлидж встал.

– Из какого окна высунулся ваш брат перед тем, как упал?

Фицхью озадаченно нахмурился:

– Из какого окна? Сейчас... Он был в бывшей комнате отца. Справа от лестницы. Хотите взглянуть?

– Нет, в этом нет необходимости... во всяком случае, сегодня. Я и так отнял у вас много времени. У меня есть дела в деревне. Вы поселитесь здесь, в доме?

– Если удастся уговорить миссис Трепол прибрать в моей комнате, – ухмыльнулся Кормак Фицхью. – Сам я в смысле уборки совершенно никудышный. Неплохо разбираюсь в лошадях, в контрактах, умею призвать к порядку акционеров на собрании. Но простыни и полотенца – это выше моего разума.

– Чем вы занимаетесь?

– У меня фирма в Сити. «Фицхью энтерпрайзиз». Нажил состояние на чугунах и стали, теперь расширяю дело... Военно-морскому флоту нужна нефть, много нефти! – Кормак улыбнулся, излучая чисто ирландское обаяние. – Завистники поговаривают, что я нажился на войне.

Мол, разбогател на убийствах. Но те, кто был на фронте, когда первые танки прорвали колючую проволоку, не волновались насчет их цены; их волновало одно: что эти танки сделают с немцами. Если уж на то пошло, я спас немало жизней!

– Вы сами воевали или только наживались на войне?

Улыбка на лице Кормака увяла.

– Да, инспектор, представьте себе, воевал. Почему-то многие удивляются, узнав об этом. Я был дешифровальщиком. У меня способности к математике, о чем прекрасно помнил кое-кто в Кембридже. Не думаю, что меня отправили бы на передовую – я был полезнее там, где находился. Скучная работа. Никогда не знаешь, был ли шифр, который ты разгадал, важной тайной или обычным пустяком. Я просто делал все что мог... Как и все остальные.

Закрыв за собой дверь Тревелиян-Холла, Ратлидж вышел в аллею. Солнце светило ослепительно, туман рассеялся, море было таким синим, что больно смотреть. Он прошел по аллее и повернул в сторону узкого пляжа. Во время прилива его заливала вода, но сейчас на гальке деловито копошились чайки, клушицы и пара воронов. Птицы ссорились из-за добычи, выброшенной на берег волной. Утесы загораживали мыс от ветра; у воды было не по сезону тепло и тихо. Ратлидж невольно вспомнил Францию перед тем, как начинался артобстрел. Он посмотрел вдаль. У берегов Уэльса шел какой-то корабль. Скоро он скрылся; лишь струйка дыма поднималась к небу. Здесь было мирно, но справа от него из воды торчали острые обломки скал – скользкие, зазубренные, мокрые. Может быть, в прошлом здесь стояли мародеры с фонарями и заманивали к берегу корабли? Корнуолл издавна жил морем – так или иначе.

Слева глубина была больше – вода темнее, разглядеть ее можно только по барашкам на волнах. Обернувшись, Ратлидж не увидел Тревелиян-Холл; над возвышенностью поднималась только крыша.

У него за спиной послышался шум шагов; обернувшись, Ратлидж увидел, что к нему приближается Рейчел Ашфорд. Ратлидж дождался, пока она подойдет.

– Он ушел? – спросила она.

– Кто, Кормак Фицхью? Нет, я оставил его в доме.

Рейчел задумчиво прикусила губу и сказала:

– Что ж, значит, с кораблями придется подождать до завтра... – Она посмотрела на него, приложив ладонь козырьком ко лбу. – Ну да, я все понимаю... – Она словно отвечала на его безмолвный вопрос. – Все равно я еще не готова их забрать. Просто... – Подумав, она другим тоном продолжала: – Вот вы там побывали. Что вы почувствовали?

Она имела в виду кабинет на втором этаже. И Ратлидж не мог притвориться, будто не понял ее.

Глядя на море, он честно признался:

– Не знаю.

Хэмиш очень отчетливо произнес: «Девушка не просит ей лгать!»

Потрясенный, Ратлидж повернулся к ней и спросил:

– Почему вы решили, что там что-то чувствуешь?

Настал ее черед уклониться от прямого ответа.

– Я... когда человек принимает такое важное решение, он не рассчитывает на то, что в конце концов останется жив. Понимаете, с фантазией у меня все в порядке. Я не истеричка. Но, когда я вошла в дом, *услышала* тишину. Не поняла, что именно она мне шептала. Но мне стало страшно.

– Хотите, я вам помогу? Вынесу корабли в коридор, а вы упакуете их, не заходя в кабинет... – Потом Ратлидж и сам не мог бы сказать, почему вызвался помочь ей. Разве что почувствовал ее боль. А что такое боль, он понимал прекрасно.

Удивившись, Рейчел ответила:

– Если вам нетрудно... Не хочется просить миссис Трепол или других – они только посмеются надо мной. Но если бы вы могли... когда Кормак уедет? Я... была бы вам очень признательна.

Следующий вопрос сорвался с губ Ратлиджа словно сам по себе. Неожиданно он прозвучал довольно грубо – Ратлидж принял рассказ Кормака гораздо ближе к сердцу, чем ему бы хотелось.

– Как по-вашему, Оливия Марлоу могла убить своего сводного брата, а затем и себя?

Вначале ему показалось, что женщина вот-вот потеряет сознание, так она побледнела. Пытаясь взять себя в руки, Рейчел несколько раз глубоко вздохнула. Ратлидж потянулся к ней, собираясь взять ее за плечо, поддержать, но она сбросила его руку.

– Значит... вот что вы почувствовали в той комнате?

– Нет, просто я полицейский и ничего не исключаю. В конце концов, вы сами попросили нас заново открыть дело.

На ее лицо вернулся румянец, и она проглотила подступивший к горлу ком.

– Вы поступили очень жестоко, – хриплым, грудным голосом произнесла она. – Я даже в самом страшном... слышите... даже в самом страшном сне не могу себе представить, чтобы Оливия смогла причинить вред Николасу. Или он – ей.

И все же его вопрос задел в ней какую-то чувствительную струну. Видимо, она и сама часто думала об этом, но теперь вопрос Ратлиджа облек ее подозрения в слова.

Глава 5

В деревню они вернулись вместе; между ними повисло грозное молчание; оно все сгустилось и мрачнело, но не прорывалось. После яркого солнца приятно было очутиться в тенистой, прохладной роще.

Хэмиш что-то бормотал о женщинах, о том, что у Рейчел Ашфорд то и дело меняется настроение, о том, с каким облегчением он покинул Тревелиан-Холл. Ратлидж не обращал на него внимания. Он по-прежнему не мог примириться с мыслью о том, что Оливия Марлоу – убийца, и проклинал Кормака Фицхью за его рассказ.

Нет, тревожила его не Оливия Марлоу. Он, Ратлидж, почти ничего не знал об Оливии Марлоу. Он знал поэта по имени О. А. Мэннинг и стихи, которые стали для него лучом света во мраке войны. Даже перед самим Господом Ратлидж поклялся бы, что О. А. Мэннинг – не убийца. Такого просто не могло быть! С другой стороны... какие у Кормака Фицхью причины лгать или исказить правду? Он ведь не знал, что Ратлидж – не сотрудник Скотленд-Ярда, а просто человек – услышал тихий звон, как будто разбилось что-то хрупкое, то была весть об убийстве, якобы совершенном Оливией Марлоу.

Как будто угадав, какая буря бушует в голове у Ратлиджа, Рейчел тронула его за плечо и остановилась:

– В чем дело? Что вас тревожит?

– Не знаю, – откровенно признался он. – По-моему, я приехал в Корнуолл совершенно без толку. – Уж лучше Лондон и скука, чем такое!

– Вы пробывали здесь всего день, – мрачно возразила она. – Откуда вам знать? Разве вас прислали сюда не для того, чтобы докопаться до истины?

Ратлидж вспомнил пословицу о том, как опасно будить спящую собаку. Сам не зная почему, он вдруг спросил – разве что вспомнил, что короткая дорога в Боркум все же существует:

– Кто та старуха, которую я встретил сегодня утром в деревне? На вид ей можно дать лет восемьдесят. Горбатая. Но глаза у нее необычайно ясные. – Он не добавил, а про себя подумал: «И своеобразное чувство юмора».

Рейчел нахмурилась:

– А, вы, должно быть, имеете в виду Сейди. Я даже не знаю ее фамилию. Она живет здесь так давно, что стала для всех просто... Сейди. Прежний священник, мистер Нельсон, – он уже умер – говорил, что во время Крымской войны она была сестрой милосердия. На войне у нее помутился рассудок. Но она обладает даром целительства. Она повитуха, исповедница, ветеринар, утешительница, травница. Кажется, деревенские обращаются к ней чаще, чем к доктору Хокинзу.

– Ведьма?

Рейчел широко улыбнулась и рассмеялась низким, грудным смехом, который, как показалось Ратлиджу, не сочетался с ее внешностью. Она смеялась чувственно и вместе с тем снисходительно.

– Да, наверное, ее и так называют! Нет, если Сейди и колдунья, то добрая, а не злая. Никогда не слышала, чтобы она насылала на кого-то порчу или что после ее лечения люди умирали. Ну да, люди умирают, но от болезней.

– А приворотные зелья она не варит?

– К сожалению, нет, – ответила Рейчел с неожиданной горечью. Как будто угадав, что он ее расслышал, она улыбнулась и пояснила: – Однажды и я пришла к ней, прося о зелье. Я была безумно влюблена и не знала, как справиться с собой. Я думала, что она даст мне что-нибудь, что можно было бы подлить ему в суп или подмешать в кашу, которую он ест на завтрак, – мы

тогда были совсем молодыми и вина не пили, но я выросла на историях о Тристане и Изольде. Я знала – то есть мне тогда казалось, – что такие зелья действуют. Сейди посочувствовала мне, но сказала, что любовь не купишь.

Ратлидж подумал, что его собеседница неверно судит и о себе, и о том, что произошло в Тревельян-Холле, но вслух ничего не сказал. Хотелось расспросить ее об Анне, но время было неподходящее. Как вдруг Рейчел сама заговорила о ней.

– Старинные корнуолльские легенды мне читала Анна. Ее бабушка Тревельян – отец Розамунды – собрал целую коллекцию; она в свое время даже прославилась. В доме хранится письмо от Теннисона; он пишет, что легенды питали его воображение, когда он писал поэму «Королевские идилии» о короле Артуре. Я знаю из нее наизусть длинные отрывки... Как и все остальные в семье. Особенно Николас. Если бы вы были на наших любительских спектаклях, вы бы подумали, что поэт – он, а не Оливия. Он так хорошо читал!

– Расскажите об Анне.

– Об Анне? Да о ней и рассказывать почти нечего! Анна умерла в восемь или девять лет. Они с Оливией близнецы и были так похожи, что просто невероятно. Как ни странно, характеры у них были совсем разные. Анна была из тех детей, которым невозможно было отказать. Она могла любого подбить на что угодно. Кроме Ливии, конечно! Стивен напоминает... то есть напоминал... мне Анну – он... обладал таким же обаянием. А Ливия... даже не знаю, как сказать... жила в мире своих грез, а фантазия у нее была такая богатая, что ей почти ничего и не требовалось от окружающего мира. Она была тихая, задумчивая и очень скрытная – даже в детстве.

– Отчего умерла Анна?

– Упала с яблони в старом саду. Теперь его уже нет, Розамунда распорядилась выкорчевать его, но раньше он был за огородом, отделенный кирпичными стенами. Мы все там играли: Николас, Оливия, Анна и я. Анна потянулась за яблоком, которое висело слишком далеко, потеряла равновесие, упала и ударилась головой о толстый корень. До тех пор я ни разу не видела мертвецов. Я страшно перепугалась, просто... до смерти. Думала, она нас дразнит, хочет напугать.

– А Кормак тоже был с вами?

Рейчел нахмурилась:

– Не помню. Может быть, и был. Больше всех я запомнила Николаса. Он стоял рядом с Анной на коленях и держал ее за руку. Он звал ее и плакал, потому что она не отвечала. А Оливия никак не могла слезть с дерева... из-за ноги. Конечно, это случилось еще до того, как Николас смастерил ей специальную шину.

– Анна упала сама? Никто ее не сталкивал?

Рейчел наградила его изумленным взглядом:

– Нет, зачем кому-то ее сталкивать? Она сидела на дереве и рвала яблоки, а потом потянулась слишком далеко и упала с ветки. Мы тогда все были детьми, понимаете? Такое нам даже и в голову не приходило!

Но дети убивают. Ратлидж узнал страшную истину в Лондоне, в первый год службы в Скотленд-Ярде.

Они вышли из роши на дорожку, которая вскоре вливалась в главную деревенскую улицу, где лепились друг к другу дома под темными крышами. Крыши на солнце поблескивали, как ртуть, а при дожде походили на свинец. За каждым забором Ратлидж видел палисадники, пестреющие цветами, и огороды.

Рейчел остановилась.

– Мне сюда – я остановилась у знакомой, которая живет на окраине. – Она снова приложила ладонь козырьком ко лбу и сказала: – Вы ведь не серьезно – насчет того, что хотите

вернуться в Лондон? Пожалуйста, задержитесь и попробуйте хоть что-нибудь прояснить! Мне не удастся во второй раз упросить Генри о помощи.

Ратлидж рассмеялся:

– Да, наверное... – Он вспомнил лондонскую жару, тесный кабинетик, претензии Боулса и отвратительного маньяка с ножом, который ухитрился приковать к себе внимание всей столицы. Неожиданно для себя он вдруг сказал: – По крайней мере, пока я уезжать не собираюсь. Пробуду здесь еще несколько дней.

Успокоившись, она ушла, а Ратлидж повернул к «Трем колоколам». Но, заметив по пути вывеску приемной врача, он распахнул калитку и, поднявшись на крыльцо, постучал в дверь.

Ему открыла красивая молодая блондинка.

– Если вы на прием, то успели как раз вовремя, – сказала она. – Еще пять минут – и он бы ушел обедать.

– Миссис Хокинз? – наугад спросил Ратлидж.

– Да, и если вы чуть-чуть подождете... – Она провела его в крошечную комнатку ожидания, обставленную разрозненными предметами старой мебели. Видимо, их стащили сюда со всего дома. – Я передам доктору, что вы пришли. Как ваша фамилия?

Ратлидж назвал ее, и миссис Хокинз скрылась за дверью. Через несколько секунд она снова появилась в гостиной.

– Доктор Хокинз вас сейчас примет. – Она распахнула дверь, готовясь закрыть ее за посетителем.

Ратлидж очутился в опрятном, на удивление светлом кабинете.

– Доктор Хокинз? – обратился он к низкорослому, коренастому человеку, сидевшему за письменным столом. Он был не так молод, как жена, но, по мнению Ратлиджа, ему вряд ли было больше тридцати пяти лет.

– Да, чем я могу вам помочь? – Доктор окинул Ратлиджа внимательным взглядом с головы до ног. Он увидел явно больше того, что хотел бы показать Ратлидж. – У вас, наверное, бессонница?

– Нет-нет, у меня нет никаких проблем, – сухо ответил Ратлидж. – Я инспектор Ратлидж из Скотленд-Ярда...

– Ах ты господи, что там еще случилось?

– Меня прислали к вам не из-за того, что случилось сейчас. Скотленд-Ярд повторно расследует обстоятельства смерти трех ваших пациентов – Стивена Фицхью, Оливии Марлоу и Николаса Чейни.

Хокинз посмотрел на него в упор и с такой силой ударил ручкой по столу, что она отскочила и чуть не упала.

– Их смерть – уже история! Дело закрыто! Коронер согласился с моими первыми впечатлениями и моим квалифицированным мнением. Несчастный случай и двойное самоубийство. Надеюсь, вы прочли мой отчет?

– Да, он очень подробный. И тем не менее я должен задать вам кое-какие вопросы, на которые вы должны ответить.

– Я и сам прекрасно знаю, что должен, – раздраженно ответил Хокинз. – Все, что требовалось, я уже сделал! – Прищурившись, он вдруг посмотрел на Ратлиджа с подозрением: – Надеюсь, вы не собираетесь эксгумировать трупы? Только этого мне сейчас и не доставало!

– В каком смысле?

– Послушайте, я служу здесь уже давно. Смею надеяться, что врач я неплохой. Практика перешла ко мне от тестя – сам он сейчас плохо соображает, его доконала война, когда работать приходилось напрягая все силы. Хотя мне здесь нравится, я подумываю перебраться в Плимут. Опыта я набирался на войне. Там приходилось делать много того, чему меня не учили в университете. Я собирал по кускам умирающих, живых отправлял обратно на передовую, не давал

расстреливать контуженых за трусость... – Заметив, как вздрогнул Ратлидж, Хокинз злорадно добавил: – Я даже принял роды у сорока семи беженков, которым негде было спать и нечем кормить младенцев! Я отдал свой долг и заслужил право на нечто лучшее, и если мои будущие партнеры узнают, что по требованию Скотленд-Ярда эксгумировали трех – понимаете, трех! – моих пациентов, мне конец. Я застряну в Боркуме навсегда. Можно не мечтать о Плимуте и не надеяться в конце концов перебраться в Лондон.

– То, что Скотленд-Ярд проявил интерес к их смерти, никоим образом не отразится на вашей...

– Черта с два не отразится! Да поймите же, ведь я подписывал свидетельства о смерти! Очень даже отразится!

– Значит, вы убеждены, что ни один из трех случаев не вызывает подозрений?

– Вот именно! У меня нет ни малейшего сомнения!

– А вам не приходило в голову, что в прошлом всех трех жертв могли произойти какие-то важные события, которые повлияли на настоящее? Что двойное самоубийство на самом деле – убийство и самоубийство? С таким делом я сталкивался совсем недавно...

Хокинз поднял руки вверх:

– Убийство и самоубийство?! Вы пьете, от вас разит спиртным. Может, у вас белая горячка?

– Нет, я так же трезв, как и вы, – возразил Ратлидж, сдерживаясь из последних сил.

– Верится с трудом, раз вы выдвигаете такие предположения! Войдя в кабинет, я увидел на диване тела двоих людей – мужчины и женщины. Они лежали, держась за руки; она держала правой рукой его левую... В свободной руке у каждого из них был стакан. На стенках стакана мы обнаружили следы лауданума, или спиртовой настойки опия; то же вещество обнаружилось у них на губах, во рту, в кишечнике. Доза более чем достаточная, чтобы быстро убить обоих. Мисс Марлоу в детстве болела полиомиелитом; что бы вам ни говорили, паралич причиняет боль. Еще мой тесть выписывал ей лауданум – а потом и я, по необходимости. До последнего времени она относилась к приему лекарства очень ответственно. Я не обнаруживал у нее нездорового пристрастия к опию. Но, если хотите умереть, смерть от лауданума – самая безболезненная из всех. Не могу винить ее за то, что она выбрала такой способ ухода из жизни... Я не нашел доказательств того, что один из них вынудил другого выпить настойку. Нет кровоподтеков ни в области нёба, ни на языке, ни на губах. И содержимое их желудков также не возбуждало подозрений. Двойное самоубийство. Именно оно! Не более и не менее.

– Содержимое их желудков не наводило на мысль, что один из них мог незаметно подлить настойку другому перед тем, как проглотить содержимое своего стакана?

– Трудно незаметно подлить лауданум в прозрачный бульон, ягнятину, овощи и картофель!

– В их кругу принято запивать еду вином, а на десерт пить кофе...

– Судя по анализу содержимого их желудков, они прожили достаточно много времени после последнего приема пищи. Лауданума не было ни в вине, ни в кофе. По-моему, они приняли настойку после полуночи. Возможно, долго обсуждали свои планы, а потом перешли от слов к делу. Хотя, может быть, смерть наступила и перед рассветом. Когда в понедельник утром их нашла миссис Трепол, они уже были мертвы больше суток. Кстати, мне тоже пора обедать... прошу меня извинить, я пойду есть. Мой вам совет – возвращайтесь в Лондон и займитесь там чем-нибудь более полезным. В таких местах, как Боркум, преступления совершаются редко. На моей памяти, нам еще ни разу не требовались услуги Скотленд-Ярда, и сомневаюсь, что они потребуются в ближайшие двадцать лет!

* * *

Ратлидж вышел из приемной, обдумывая все, что услышал за день.

Совершенно не за что зацепиться!

Нет преступлений, нет убийц, нет причины, по которой матерый инспектор Скотленд-Ярда должен напрасно тратить свое время в глуши Корнуолла.

«Ну и на что ты годен? Ни на что, – объявил Хэмиш. – А может, в Уорикшире тебе просто повезло и никакой твоей заслуги в том нет? Что, если там ты потерпел поражение, только тебе ума не хватило все понять? Что, если и теперь ты терпишь поражение, потому что никак не можешь разобраться, убили тех несчастных или нет? Тот дом населен призраками, старина, и если ты не выяснишь почему, тебя победят твои же собственные страхи!»

Пообедав в «Трех колоколах», Ратлидж почувствовал беспокойство и неуверенность. Он внушал себе, что его чувства никак не связаны с замечаниями Хэмиша и с досадой на себя. Просто он пока не знает, что делать дальше. Судя по всему, Кормак Фицхью вполне уверен в своих словах. Рейчел Ашфорд выбило из колеи его предположение о возможном убийстве, хотя именно она обратилась за помощью в Скотленд-Ярд. Хокинз не желает идти навстречу, а у боркумских полицейских нет никаких причин подозревать убийство, ведь они вели следствие добросовестно, по всем правилам...

Он задумчиво посмотрел в окно на море, надел пальто и отправился на поиски дома священника. Квадратный дом стоял рядом с церковью; сложен он был из серого камня с белой отделкой окон и дверей, но постройка отличалась скорее прочностью, чем красотой.

Он постучал, открыла желчного вида экономка и послала Ратлиджа в сад. Обойдя дом, он увидел розовые кусты. В воздухе смешивались сладкие цветочные ароматы.

Священник оказался человеком среднего возраста, и, судя по внешности, он куда больше привык работать на земле, чем читать проповеди с кафедры. Увидев Ратлиджа, который шел к нему по тропинке между грядками и клумбами, он выпрямился.

– Здравствуйте, – сказал он не радушно и не холодно, но с видом человека, который сейчас с большим удовольствием занимается своими, а не Господними делами.

– Инспектор Ратлидж из Лондона, – представился Ратлидж. – Мистер Смедли?

– Да, совершенно верно, – со вздохом ответил священник, отставляя тяпку.

– Нет-нет, продолжайте работать, если хотите. Предпочитаю поговорить здесь, а не идти в дом. – Насколько он мог судить, экономка любила подслушивать. – Мне требуется не помощь пастыря, а скорее некоторые сведения о ваших прихожанах.

– Тогда, если не возражаете... – Священник взял тяпку и начал полоть сорняки между рядками астр и ноготков, рядом со сладким горошком.

– Я приехал потому, что в Лондоне возникли вопросы в связи с недавними... происшествиями в Тревельян-Холле.

Священник с улыбкой покосился на него:

– Да, такие слухи ходили сегодня утром, когда вы еще, можно сказать, и приехать толком не успели!

– Да, но вопросы, которые я собираюсь вам задать, не предназначены для ушей местных сплетников, пусть даже у них и самые добрые побуждения. Я хочу узнать кое-что об умерших. О женщине и двоих мужчинах. Какими они были, как жили, зачем им понадобилось умирать до своего срока...

Священник теперь повернулся к Ратлиджу спиной, так как он перешел к следующему ряду.

– Ага! Что ж, рассказ будет долгим. Вам что-нибудь известно об их семье?

– Владельцем дома был дед. У его дочери было три мужа и шестеро детей, из которых сейчас в живых осталась только одна дочь... Есть еще кузина. И приемный сын, который сколотил себе состояние в Сити. Все это я мог бы узнать у лавочников и домохозяек, которые идут на базар. Мне нужно больше. Чтобы начальство убедилось, что все в порядке.

– А почему в Лондоне возникли сомнения?

– Кто-то из начальства... перечитал материалы дела и задался вопросами. Три смерти в одной семье за такой короткий отрезок времени! Невольно начнешь задумываться...

– Уверю вас, здесь никаких сомнений быть не может! Не знаю, какие и у кого возникли вопросы, когда нашли Оливию и Николаса; во всяком случае, никаких слухов о них потом не ходило. А в такой деревне, как наша, отсутствие слухов – вернейший признак того, что подозревать нечего. Ну а Стивен Фицхью... когда он упал, был в доме один. Все остальные были снаружи, что подтверждено свидетельскими показаниями. Если только вы не верите в привидения, не думаю, что здесь есть что-то подозрительное.

– Странно, что вы заговорили о привидениях, – с беззаботным видом заметил Ратлидж. – Мне говорили, что Тревельян-Холл населен призраками. И не такими, которых можно изгнать с помощью церкви.

Священник снова выпрямился и посмотрел на него в упор:

– Кто рассказал вам эти сказки?

– Один шотландец, – уклончиво ответил Ратлидж.

Священник улыбнулся:

– Шотландцы обладают великолепным чутьем! А он не рассказывал вам, что в Тревельян-Холле произошло убийство?

Туше!

– Убийство? Сейчас... или в далеком прошлом?

– Учтите, доподлинно я ничего не знаю, – ответил священник. – В том числе из исповедей. Никто из моих прихожан не исповедовался мне в убийстве; до моих ушей не доходили никакие слухи. В свое время Тревельян-Холл повидал немало горя. Но покажите мне такой дом, где все гладко! Особенно во время войны и эпидемии инфлюэнцы. Раненых вы наверняка повидали во множестве... Болезнь обошла нас стороной – во всяком случае, в худших ее проявлениях. Эпидемия унесла лишь троих. Но в такой маленькой деревне, как наша, даже три человека – очень много.

– Пожалуйста, объясните, как Оливия Марлоу, отшельница, которая почти ничего не знала об окружающем мире, могла писать такие стихи?

Священник снова принялся полоть.

– Ответить на ваш вопрос может только Бог. Но кто говорит, что она почти ничего не знала об окружающем мире? Я читал ее стихи. Они свидетельствуют об огромной проницательности. Она замечательно разбиралась во всех тонкостях человеческой натуры. Человеческой души. Кстати, со мной она никогда не говорила о своем творчестве. А я никогда ее не спрашивал. Если уж на то пошло, мы совсем недавно узнали о том, что Оливия Марлоу и О. А. Мэннинг – одно и то же лицо. Она не раскрывала инкогнито даже ближайшим родственникам. По-моему, Николас все знал, а больше никто.

– Но зачем хранить в тайне ото всех такое чутье и такой дар?

– Скажите, инспектор, а у вас нет тайн, мучительных, неприятных, которые вы предпочитаете никому не раскрывать? Речь не идет о чем-то безнравственном и ужасном. Я говорю о том, что задевает вас за живое...

Удар попал в цель. Ратлидж понял, что его первое представление о священнике оказалось неверным. Хэмиш что-то злорадно бурчал, посыпая солью свежую рану. Правда, душевные раны Ратлиджа никогда не затягивались...

– Может быть, все дело в ее параличе?

– Она понимала, что увечье ее ограничивает, – задумчиво проговорил Смедли. – Но никогда не считала его своим крестом. Больше всего она, по-моему, боялась, что ее будут судить по ее увечью, а не по ее творчеству. Наверное, вы читали литературные журналы после того, как распространилась весть о ее гибели? Все пытаются понять автора, но не стихи. Углубляются в ее жизнь, как будто в ее биографии можно найти ответ. И все как один упоминают о ее инвалидности.

– Она была некрасива? Уродлива? Не умела хорошо одеваться, причесываться, разговаривать? Она поэтому бежала в глушь и находила спасение в творчестве?

Мистер Смедли расхохотался еще до того, как Ратлидж договорил.

– Инспектор, если вы так оцениваете слабый пол, я невысокого мнения о ваших знакомых женщинах! Хотя я и священник, а отношусь к женщинам по-другому!

– Пожалуйста, опишите мне мисс Марлоу, – раздраженно попросил Ратлидж.

Смедли оперся о тятку и поднял взгляд на слуховые окна.

– Начать, наверное, надо с того, что ее мать... Розамунда... была настоящей красавицей. У Оливии красота проявлялась по-другому. Раз увидев, ее невозможно было забыть – трудно сказать почему. У нее были красивые глаза, которые она унаследовала от отца. Наверное, и сила ее тоже происходила от него, хотя и у Розамунды силы хватало. Перенесите Оливию в Лондон, и, если не считать парализованной ноги, она не очень отличалась бы от любой тамошней молодой женщины. Уверяю вас, у нее хватало бы поклонников, если бы у столичных мужчин сохранилась хотя бы половина того здорового смысла, с каким они родились! Нет, Оливия не была ни дурнушкой, ни уродкой. Одевалась, как остальные сельские жительницы. Никаких развевающихся шарфов, никаких блестящих черных платьев или экзотических перьев. И в ней совершенно не было надменности. Держалась приветливо и тепло, но не безмятежно... В безмятежности ей было отказано. – Священник пожал плечами. – Волосы, которыми она гордилась, были темнее, чем у Розамунды, каштановые... они так чудесно золотятся на солнце. Больше похожи на отцовские. Джордж Марлоу был очень красивым мужчиной. Розамунда его обожала и была вне себя от горя, когда он умер в Индии. Она признавалась мне, что после смерти мужа опасалась за свое здоровье и рассудок. Ее поддерживала храбрость. И вера.

Замешательство Ратлиджа росло. Неужели все видели Оливию Марлоу в разном свете? А если так, то которая из них – настоящая?

– Я удивился, когда она покончила с собой, – продолжал Смедли, немного помолчав. – От Оливии я такого не ожидал. Вот Николас вполне мог последовать ее примеру; его поступок показался мне вполне логичным, не знаю почему, просто так показалось, и все. Но я не мог и представить, что Оливия способна на самоубийство. Как будто вдруг рухнули основные принципы, из которых я черпаю силы. Я плакал, – произнес священник таким тоном, словно до сих пор удивлялся своему поведению. – Я плакал не только по себе и по ней, но и по тому, что ушло... было утрачено с ее уходом. Более замечательной женщины, чем она, я не знал. И не надеюсь когда-нибудь узнать.

– А Николас?

– Он был для меня загадкой, – медленно ответил Смедли. – Хотя я знал его много лет, не могу сказать, что знал его по-настоящему. В нем чувствовались большие глубины, большая страсть. Замечательный интеллект. Мы играли в шахматы, спорили о войне, говорили о политике. Но он никогда не пускал меня к себе в душу...

Видя, что Ратлидж молчит, Смедли добавил тихо, словно говорил сам с собой:

– Возможно, Николас стал самым большим моим поражением...

Глава 6

Когда Ратлидж вошел в темную, узкую прихожую «Трех колоколов», хозяин вручил ему небольшой пакет, который доставили раньше.

Ратлидж отнес пакет в бар, где заказал пинту пива; когда ему принесли пиво, он еще несколько минут сидел, глядя на пакет. Только потом его вскрыл. Лица каким-то образом придают событиям достоверности...

Внутри, как он и ожидал, оказались фотографии. И записка: «Прошу вас вернуть их, когда они не будут уже вам нужны».

Подписи не было, но Ратлидж и так знал, что снимки прислала Рейчел Ашфорд. Он пытался представить себе Рейчел и Питера рядом, вообразить, как Питер женится на ней, но у него ничего не получилось. И не потому, что Рейчел казалась ему не во вкусе Питера. Просто Питер, каким он его запомнил по школе, должен был очень отличаться от человека, погибшего на Килиманджаро. Совсем как он, Ратлидж, изменился до неузнаваемости по сравнению с тем мальчиком, который лелеял столько грез и замыслов на будущее.

Достав фотографии из конверта и разложив их на столе, он посмотрел на них, точно не зная, чего ожидать. Более того, он совсем не был уверен в том, что ему так уж хочется видеть их лица.

Каждая фотография была подписана с обратной стороны. Ратлидж начал с более старых. Розамунда Тревелиян в двадцать лет сияла юностью, красотой и каким-то умиротворением. Он вгляделся внимательнее. Да, сила в ней тоже чувствовалась, а в глазах плясали смешинки. Анна и Оливия стояли среди роз в саду – такие похожие, что на обороте, против имен, стояли вопросительные знаки. Две девочки в белых платьях с кружевными оборками, длинными кушаками и лентами в кудрявых волосах, застенчиво улыбались в камеру. Очень хорошенькие. Овал лица у них был такой же, как у Розамунды, хотя им не передавалась ее красота. Снова те же девочки, немного старше, с маленьким мальчиком и еще одним ребенком в длинном платьице. Николас и Ричард. Николас выглядел довольно высоким для своего возраста; взъерошенный, темноволосый, темноглазый. Правда, на снимке не видно было, какого цвета у него глаза – карие или темно-синие. Еще одна фотография, где Ричарду пять лет, а Николасу – семь или восемь. Вся семья на вересковой пустоши. Ричард стал очаровательным мальчиком с широкой, лукавой улыбкой и веселыми глазами. Некоторые сказали бы: прирожденный смутян, всегда готовый к проказам. Может быть, тем легче было убийце заманить его на болото...

Николас, который без улыбки смотрел в объектив, казался сосредоточенным. Вскинул подбородок, в глазах – вызов. Но на другой фотографии, с Оливией, он улыбался – должно быть, Анна уже несколько лет как умерла. На том же снимке с ними Розамунда; на руках у нее близнецы Сюзанна и Стивен, почти невидимые в облаках кружев их крестильных рубашек. Но Розамунда по-прежнему казалась лишь на несколько месяцев старше той девушки, какой она была в двадцать лет; она стояла, склонив голову, с улыбкой в глазах, на которую готов был откликнуться любой мужчина. Красивая, оживленная, одухотворенная. Зато Оливия держалась в тени матери; худощавая девочка с длинными вьющимися волосами. Рядом с Оливией – Николас; он положил сестре руку на плечо, словно защищая. Ратлидж снова посмотрел на Оливию. Из нее получится поэт! Так вот она – женщина, которая оставила свой след в вечности! И все же он заметил в ней что-то еще и пожалел, что фотография не слишком крупная. Священник сказал, что ее невозможно было забыть. Но что именно в ней незабываемо?

Мужчина. По одну его сторону стоит Кормак, по другую – близнецы, которые уже ходят сами. Они держатся за ноги отца и застенчиво улыбаются фотографу. Брайан Фицхью, его старший сын и дети от Розамунды. Хотя Брайана трудно было назвать красивым, в нем чувствовалось определенное обаяние. Зато Кормак уже тогда выглядел красавцем: стройный мальчик с

изящной посадкой головы и умными глазами. Он с детства понимал, что добьется многого, и не сомневался в своей силе. Близнецы были светловолосыми и хорошенькими, как херувимы; они унаследовали красоту Розамунды, а отцовские черты проявились лишь в крепости их сложения. Обоим передалась живость матери.

На последних двух фотографиях были мужчины. Пожилой мужчина с бородой, прямой, широкоплечий, рядом с более молодым человеком в форме. Капитан Марлоу, первый муж Розамунды, с ее отцом, Эйдрианом Тревельяном. Тревельян не улыбался – у людей его поколения не принято было улыбаться в камеру. Зато Марлоу весело смеялся, глядя на фотографа. В его глазах плясали веселые огоньки, придававшие его лицу обаяние. Ратлидж понимал, почему Розамунда его полюбила. Должно быть, они были красивой парой. На следующем снимке он увидел еще одного мужчину, снятого рядом с конем. Джеймс Чейни, отец Николаса. Ратлиджу не нужно было переворачивать снимок, чтобы понять, кто он такой. Сын был его копией, по своему привлекательным тихоней, интровертом.

Ратлидж еще раз по очереди всмотрелся в фотографии. Все они умерли; из большой семьи осталось всего двое – Кормак и Сюзанна. И только Сюзанна потомок Розамунды Тревельян...

К нему подошел пожилой бармен и спросил, не принести ли ему еще пива. Он сразу заметил фотографии.

– Тревельяны, – задумчиво проговорил он. – Да, благородная была семья. Помню старого хозяина, с ним были шутки плохи. И все же я в жизни не встречал такого благородного человека, как он. Обожал свою дочку – ну, она, конечно, была красавица, тут никаких вопросов, и при этом настоящая леди. Рядом с ней все невольно подтягивались и вели себя прилично. И она всегда говорила «спасибо» и «пожалуйста», как будто ей не служили, а любезность оказывали. Ее первый муж... – искривленный палец ткнул в капитана Марлоу, – умер в Индии от холеры, и мистер Тревельян так горевал, словно потерял сына. А мисс Розамунда была сама не своя от горя; доктор боялся за ее жизнь. Поговаривали, будто она вышла за мистера Чейни, надеясь забыть капитана, но и мистера Чейни она тоже любила. Я частенько видел их вдвоем. Сразу было видно, что они любили друг друга! Мы все очень удивились, когда мисс Розамунда вышла за мистера Фицхью. Он... не был таким благородным, как она. Уверял, что он из ирландских мелкопоместных дворян, а как там на самом деле – кто знает? Но она и с ним была счастлива. И обожала близнецов. Хорошая мать.

– Двое из ее детей умерли совсем маленькими.

– Да, малыша так и не нашли. Несколько лет назад явился в наши края один бродяга; он чем-то напоминал Ричарда Чейни. Такой же лукавый взгляд. Ричард никого не боялся; своими выходками, как говорится, искушал и Бога, и черта. Дважды убегал из дому, а как-то в ночь Гая Фокса чуть не поджег Тревельян-Холл: развел костер в детской. Я тогда служил в Холле конюхом, они ведь держали много лошадей, и мальчик вечно крутился возле конюшни и просил покатать на лошадке!

В бар вошел еще один клиент, неуклюже опиравшийся на костыли. У него не было ноги. Услышав характерный стук, бармен обернулся и сказал: – Сейчас подойду, Уилл! – Повернувшись к Ратлиджу, он продолжал: – Говорят, мисс Оливия стихи писала. Прямо и не знаю, что сказать. Не очень-то это по-женски, верно? Откуда ей было знать о войне и о страданиях? Кто-то все не так понял.

Бармен пошел обслуживать инвалида, а затем заговорил с двумя рыбаками, которые сидели в углу и вяло спорили о том, что стало с косяками сардин, которые когда-то составляли рыболовное богатство Корнуолла. Всех заботили и чужаки, которые приплывали на больших баркасах из самого Ярмута и ловили рыбу в здешних водах. Ратлидж снова принялся разглядывать лица, которые смотрели на него с фотографий. Слова бармена не выходили у него из головы.

Может быть, вот она – разгадка? Может быть, автор стихов – вовсе не Оливия, а Николас? Он настоящий О. А. Мэннинг? И потому Николасу тоже пришлось умереть...

Ратлидж покачал головой. Верить в последнее очень не хотелось.

На следующее утро Ратлидж сдержал слово, данное Рейчел Ашфорд, и вместе с ней отправился в Тревельян-Холл. Солнце светило ярко, у моря просто ослепительно, от ярких красок рябило в глазах.

Они снова прошли через рошу и, выйдя на опушку, ненадолго остановились, чтобы издали полюбоваться домом. Он переливался, как сказочный замок на сказочном холме.

– Странно, правда? – сказала Рейчел. – Отсюда кажется, что красивее вы ничего в жизни не видели... Хотя, если судить с архитектурной точки зрения, в Корнуолле найдется не меньше сотни таких же красивых домов. И даже еще красивее. Тревельян-Холл уже старый, не слишком большой и начал разрушаться. Но я люблю его всем сердцем. Питер говорил... – Она замолчала, кашлянула и продолжала: – Питер говорил, что все дело в камне. Сразу видно, что камень, из которого построен дом, очень хороший, дорогой... качественный. Кроме того, иногда солнечные лучи падают на дом под определенным углом.

– Да, наверное, – кивнул Ратлидж.

Когда Рейчел зашла за ним в гостиницу, он поблагодарил ее за снимки и пообещал вернуть их до своего отъезда из Корнуолла. Однако он не стал делиться с ней мыслями, которые почти всю ночь не давали ему заснуть. В конце концов не выдержал даже Хэмиш; он попросил пощады. Под утро Ратлидж немного поспал, правда, урывками. Ему снилось, будто из его номера слышен шум прибора. Удары волн о камни совпадали с ударами его сердца.

Рейчел посмотрела на него:

– По-моему, вы собрались уезжать... Но на мои вопросы вы пока так и не ответили.

– Пока не могу найти ни одной зацепки, которая удержала бы меня здесь, – признался Ратлидж. – Послушайте, Рейчел... – обращаясь к ней по имени, он допустил фамильярность, но ему казалось, что называть ее «миссис Ашфорд» неуместно, – нет ни доказательств, ни улик, которые говорили бы о том, что смерть ваших родственников произошла при подозрительных обстоятельствах. Я напрасно потрачу драгоценное время Скотленд-Ярда, если притворюсь, что такие доказательства есть.

– Да, я понимаю, – со вздохом ответила Рейчел.

– Вы бы обрадовались, если бы я в самом деле что-то нашел? Например, выяснил, что убийца – Оливия? Или Николас? Ну а Стивен... не понимаю, как его могли убить. Если, конечно, все говорят правду и остальные находились снаружи, когда он свалился с лестницы.

– Вот вы намекнули, что готовы подозревать Николаса и Оливию, – отрывисто ответила она на ходу, – а как же мы, живые? А вдруг убийца – я? Или Сюзанна, или Даньел? Или Кормак?

– Вы сами сказали, что не можете свыкнуться с мыслью, будто кто-то из ваших близких убийца. Неужели вы хотите признаться мне в убийстве?

– Нет, конечно! Я... ну ладно, если хотите знать, вчера ко мне приходил Кормак. Он хочет купить Тревельян-Холл. Уверяет, что чувствует себя виноватым, потому что он не может сделать того, что хотел Стивен, – превратить Тревельян-Холл в музей Оливии. А так дом в каком-то смысле останется в семье. Компромисс. Мы получим деньги, у Кормака появится загородный дом, и Стивен как-то успокоится.

– Успокоится? – Его насторожил странный выбор слова.

– Да. Судя по всему, Стивен вбил себе в голову, что именно ему посвящены стихи из сборника «Крылья огня» – любовные стихи. А Сюзанна упрекнула его в том, что он хочет увековечить самого себя, а вовсе не Оливию. Жестокие слова, но Сюзанна злилась на Стивена за то, что он так упорствовал с музеем. Ведь все остальные согласились с тем, что Тревельян-Холл нужно продать. Видите ли, в том-то и дело, мы всегда знали, что после смерти Оливии и Нико-

ласа дом продадут. Когда Эйдриан Тревельян составлял завещание, он очень волновался, что Кормак будет претендовать на долю наследства. Именно поэтому он и завещал дом Оливии, а не Розамунде!

– Вы точно знаете?

– Инспектор, в то время, о котором я говорю, я была еще маленькой, но и дети много слышат. Иногда ребенок тихонько сидит в уголке, а взрослые просто забывают о нем... И разговаривают о делах. А ребенок слушает. Иногда разговоры взрослых ничего не значат, а иногда ребенок понимает все. Я точно помню, как Эйдриан успокаивал Розамунду после смерти Джеймса Чейни. Незадолго до того к нему приезжал адвокат; что такое завещание, я знала. Эйдриан сказал: «На твоей следующей свадьбе меня не будет». А она ответила: «Вряд ли я еще раз выйду замуж – я не найду другого такого человека, как Джордж Марлоу, и мне не повезет так, как с Джеймсом». И Эйдриан ответил: «Ты молода. У тебя есть вкус к жизни. Ты найдешь себе еще одного мужа, а меня рядом не будет. Поэтому, милая, я изменю свое завещание и отберу у тебя дом. Ты не возражаешь, если я оставлю его Оливии? Я всегда любил ее, а в ней – ее отца. Я первым взял ее на руки, когда она родилась. Мне нравится думать, что она будет здесь жить, ходить по моему дому, любить его после того, как меня не станет. У тебя есть дом, который оставил тебе Джордж, а у Николаса будет дом Джеймса. У Оливии другого дома нет и, возможно, никогда не будет». К моему разочарованию, Розамунда попросила несколько дней подумать, и чем все кончилось, я так и не слышала, пока Эйдриан не умер и не огласили его завещание. Только тогда я до конца поняла, о чем отец и дочь договорились. Вот почему предложение Кормака... меня как-то смущает. С другой стороны, я не могу передать ему слова Эйдриана, понимаете? В Тревельян-Холле всегда было тепло и уютно, а теперь мы все перессорились из-за того, что с ним делать... Тем самым мы портим все! Всякий раз, как мне напоминают о смерти Стивена, я вспоминаю, что умер он, еще злясь на нас за то, что мы не хотели выполнить его просьбу.

– Значит, у Розамунды имелся и другой дом?

– Да, в Винчестере, точнее, в Клоузе. Дом принадлежал моему дяде Джорджу Марлоу – он сам его купил. После смерти бабушки родительский дом, в котором выросли мой отец и Джордж, достался моему отцу. Джордж был младшим сыном и пошел в армию.

– И у Николаса тоже было свое жилье?

– Да, в Норфолке. Я ездила туда; очень славное место.

– Значит, если бы ему было плохо в Тревельян-Холле, он вполне мог бы отсюда уехать и не остался бы без крыши над головой... А если бы, скажем, он женился, но не захотел приводить свою жену в Тревельян-Холл, он мог поселиться и у себя?

Они дошли до аллеи, ведущей к дому. Рейчел отвернулась и посмотрела на мыс.

– Не думаю, что Николас женился бы и уехал отсюда.

– Но если бы захотел, то мог бы.

– Да, – не сразу тихо ответила она.

Значит ли это, что у Оливии имелся мотив к убийству Николаса?

Ратлидж посмотрел на Рейчел, внезапно поняв нечто такое, чего раньше он в ней не замечал.

– Вы были влюблены в Николаса, да? Почти всю жизнь.

– Нет! Я была привязана к нему, но любовь... – Голос ее пресекся, а вместе с ним – и ложь.

– Вы любили Питера? – отрывисто спросил Ратлидж, чувствуя, как боль человека, которого он знал, смешивается с его собственной болью. Питер заслуживал лучшей участи!

Рейчел круто развернулась к нему:

– Что вы понимаете в любви! Да, я любила Питера, он был чудесный, мягкий, добрый... Не было дня после его отплытия в Африку, чтобы я не скучала по нему!

– Но любовь к нему – совсем не то, что любовь к Николасу, верно?

– Прекратите! – воскликнула она, смахивая слезы. Она поспешно взбежала на крыльцо и отперла дверь. – Не желаю вас слушать! Уходите! Я сама заберу корабли. Мне не нужны ни вы, ни кто-либо другой!

Ратлидж тихо подошел к ней сзади и взял у нее ключ.

– Простите, – негромко сказал он. – Я был не прав.

– Но ведь я сама привела вас сюда, – возразила она, когда дверь распахнулась. Казалось, дом ждет их. – Теперь я понимаю, что ошиблась. Возвращайтесь в Лондон, а меня оставьте в покое!

* * *

Если Кормак и ночевал в Тревелиян-Холле, он не оставил никаких следов своего пребывания здесь.

Ратлидж заварил на кухне чай и отнес его в малую гостиную окнами на море. Он сам привел туда Рейчел и сразу раздвинул шторы, чтобы избавиться от тягостной атмосферы, сгустившейся в затемненных комнатах. Рейчел перестала плакать, но была бледна, и он почувствовал себя виноватым. Она взяла у него чашку, кивнула и отпила большой глоток. Ратлидж подошел к окну и залюбовался морем. Он не знал, но именно в такой позе всегда стоял Николас. Он с самого детства каждый день смотрел на море. Зато Рейчел все прекрасно помнила. Она сосредоточенно пила чай и косилась на высокую мужскую фигуру у окна. Силуэт Ратлиджа словно вонзал нож в ее сердце.

Потом они поднялись на второй этаж. В одной из спален Рейчел заранее приготовила коробки. Ратлидж направился в кабинет и стал доставать из витрины модели кораблей. Они были вырезаны очень искусно: Николас Чейни воспроизвел оригиналы до мельчайших подробностей. Ратлидж невольно подивился его терпению и мастерству. Потом он вспомнил, что и приходской священник упомянул о терпеливости Николаса.

Подойдя к порогу, Ратлидж передал Рейчел первый корабль, «Морскую королеву». Она взяла модель благоговейно, как священник берет облатку. Ратлидж заметил, что пальцы у нее дрожат. Он нарочно старался не смотреть ей в глаза. Рейчел опустила на колени и начала тщательно оборачивать модель ватой, затем так же осторожно уложила ее в коробку, набитую обрывками газет. Ратлидж сходил за следующим кораблем и передал его Рейчел. Это была модель «Олимпиада». Он помнил, когда лайнер спускали на воду – в 1910 году. «Олимпик» был копией злосчастного «Титаника». Были еще немецкие «Германия» и ее двойник, «Кайзер Вильгельм Великий».

А самый первый из больших лайнеров, «Сириус», стоял среди изящно вырезанных волн и дельфинов. Потом Ратлидж принес модель «Аквитании», ставшей в дальнейшем плавучим госпиталем в Дарданеллах. Интересно, подумал он, сколько призраков сопровождали этот корабль домой, в Англию? «Мавритания» служила в Галлиполи; она была близнецом «Лузитании», потопленной немецкой торпедой в 1915 году.

– Что больше привлекало Николаса Чейни – корабли или море? – спросил он после того, как последний лайнер, упакованный в вату и бумагу, благополучно очутился в коробке. Он благоразумно умолчал о том, что без кораблей кабинет сразу стал пустым, как будто из него вынули душу.

– По-моему, и то и другое. Когда-то... в детстве... он мечтал стать капитаном. Один из его предков по материнской линии был адмиралом; он принимал участие в Трафальгарской битве. Наверное, именно поэтому Николас вбил себе в голову, что его будущее связано с морем. У него была парусная лодка; время от времени он ходил на ней вокруг мыса. Иногда он брал с

собой Оливию, иногда меня. На воде он становился другим человеком. Я... не знаю, как это получалось, но было.

Рейчел закрыла последнюю коробку; они вместе перевязали их и снесли вниз, в холл. У подножия лестницы она остановилась и затравленно оглянулась. Ратлидж невольно обернулся и притворился, будто перекладывает коробки поудобнее. У него в подсознании ожил Хэмиш. Он всегда очень чутко откликался на утраченную любовь – ведь его тоже не дождалась с войны любимая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.